

Виктор Печорин

НОВЫЙ УЛИСС

ИЛИ

КНИГА СУДЕБ

Виктор Печорин

Новый Улисс, или Книга Судеб

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43435591
ISBN 9785005017482*

Аннотация

Мое имя выбито на каменном кресте в центре помпезного кладбища Гласневин. Надпись на нем гласит: «Установлен в память преподобного Владимира Печерина». Преподобный Владимир Печерин – это я. Нашел-таки успокоение вечный скиталец в чужой земле, под каменным крестом на стриженном ирландском газоне... Так поэтично, правда? Да только это не вся правда. На самом-то деле меня здесь нет. Моя могила пуста. Как так получилось? Хотите знать? Тогда придется выслушать мою историю...

Содержание

Пролог	5
Легенда о Меркурии	9
Громовые трубы	28
Зловещий синодик	37
Великое посольство	51
Жизнь за царя	68
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Новый Улисс, или Книга Судеб

Виктор Печорин

Дизайнер обложки Андрей Расти

© Виктор Печорин, 2019

© Андрей Расти, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-1748-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Мое имя выбито на каменном кресте в центре помпезного кладбища Гласневин (от Кингс-инн на север через Фибсборо и Финглас роуд). Рядом – Круглая башня, усыпальница Дэниэла О’Коннелла, освободителя Ирландии.

Дэниел завещал похоронить его сердце в Риме, а тело на родине, в Дублине, что и было исполнено благодарными согражданами.

Не хотел бы я, чтобы мое сердце было похоронено в Риме. О, нет! Только не Рим...

А родина моя далеко.

«Моя родина там, где моя вера», – думал я когда-то.

Это неправда. Вера у каждого при себе, внутри. А родина... Я бы завещал ей свое сердце. Только не думаю, что соотечественники примут этот дар. И памятник вряд ли воздвигнут...

Памятник мне поставили милосердные сестры.

Скупая надпись на нем гласит: «Установлен сестрами милосердия в память преподобного Владимира Печерина, в течение 23 лет бывшего капелланом госпиталя Милосердной Матери. Скончался 17 апреля 1885 года в возрасте 79 лет».

Памятник Владимиру Печерину на кладбище Гласневин в Дублине

Преподобный Владимир Печерин – это я.

Нашел-таки успокоение в чужой земле неутомонный скиталец. Под каменным крестом на стриженном ирландском газоне...

Так поэтично, правда?

Да только это не вся правда.

На самом-то деле меня здесь нет.

Как это? – спросите вы.

А вот так.

Могильная плита есть, и надпись на ней есть. А под плитой – пусто.

Это всего лишь символ. Кенотаф.

Ничего удивительного. Со мной всегда всё не так.

Вот, взять того же О'Коннелла. Ну да, сердце его хранится

в церкви Святой Агаты в Риме, но тело-то – здесь, в Гласневине. И останки четырех его сыновей рядом.

А моя могила пуста. Как так получилось? Где же я – настоящий?

Хотите знать?

Тогда вам придется выслушать мою историю. Иначе не понять.

А история длинная, как и сама жизнь. И такая же запутанная.

Знаю, в ваши времена длинные истории не в чести. Нашлепали на смартфоне *«ты где? – я на тусе – удачки – и тебе»*. И все. Типа пообщались. До встречи через год. Так? Нет?

Мне ведь отсюда все видно.

А я не осуждаю. Какие времена – такие нравы.

Мое время тоже было не идеальным.

Повздорят, бывало, парни из-за пустяка, распетушатся. Один другому – перчатку в рожу. А потом при свидетелях из пистолетов палят друг другу в лоб.

Это, по-вашему, умно?

По мне так дурацкий обычай. Остаток безурядицы и изуверства средних веков... Уж лучше по смартфону...

Ну ладно, ладно, это я так, разворчался. Старый человек, мне простительно. Просто не знаю, с чего свою историю начать. Сначала – так длинно выйдет, с середины – непонятно.

А с другой стороны... куда спешить? Если вы спешите –

так закройте эту книгу. Ступайте по своим делам.

А мне спешить некуда. У меня впереди вечность. Здесь, где я сейчас, целый век – как единый день. Так что начну от начала. С того самого дня, когда родоначальник моего семейства впервые вступил на русскую землю.

Легенда о Меркурии

*Кому-то гордый сокол,
парящий в поднебесье,
неволе покорившись,
на руку кротко сядет.*

*Из поэмы «Судьбы смертных»,
Эксетерская книга, Англия, X в.*

Погода окончательно испортилась. Свинцовое небо плачет мелкими слезами. Дороги, и без того ухабные, расплылись, превратились в жидкое месиво. Лошади с трудом вытаскивают копыта из вязкой грязи. Противные пальцы холода так и лезут за воротник.

По ночам холод сгущается, покрывая лужи коркою льда.

Поначалу Андреа посмеивался над рассказами о страшной Гиперборее, за которой-де конец земли, и где царит вечный холод, а из лесных гнезд вылазят неведомые звери.

Ничего тут такого.

Земля как земля.

Ну, лес погуще, подремучее, да солнце похолоднее, реже проглядывает через облака. Эка невидаль? В Тироле тоже в горах зябко, а на перевалах случаются снежные заносы.

Чем дальше углублялись они в землю Гиперборейскую, тем чаще вспоминались те рассказы и предостережения.

После нескольких месяцев езды по дурным дорогам,

по минованию стольких рек и речушек, будто бы отделяющих один круг ада от другого, в каждом из которых солнца становилось все меньше, пока оно вовсе не скрылось за толстой кошмой туч, а холод стал пробираться до костей, хоть всю одежду на себя напяль разом, – Андреа уже не казалось досужей выдумкой, что там, впереди, – край вечной зимы, где любое сказанное слово не растворяется в воздухе, а застывает в виде облачка и висит, так что его можно не только слышать, но и видеть и даже потрогать рукой!

Холодными ночами, спрятавшись в укрытии из веток, дождевых коробов и плащей, Андреа видел во сне родной Тироль, его горы, леса и долины, уютный дом, обеденный стол, запах свежее испеченного хлеба, оливкового масла, копченых колбас. В чужом краю, в этом бесконечном путешествии так этого не хватало: домашнего уюта, солнца, привычной еды. Приходилось довольствоваться черствыми лепешками да сушеной рыбой, а по вечерам – крупяным варевом, пропахшим дымом костра. Только на редких постоянных дворах можно было отведать настоящей еды.

Стол гиперборейцев скуден и состоит главным образом из вареных или печеных овощей и корней – репы, бобов, капусты. У этой снеди скверный вкус, от нее пучит живот. Вот разве что молоко со свежими лепешками, да мед... Увидев, что Андреа не по вкусу здешняя пища, дядя Маттео приказал бородатому аборигену, хозяину постоянного двора, дать им с собой туес меду.

Здесь земли, как, впрочем, и повсюду в христианском мире, разделены на области, управляемые правителями, которых тут называют князьями или каганами, сиречь «великими ханами». Обычно каганы состоят друг с другом в соперничестве или вражде, хотя и являются братьями или племянниками. С вступающих в их земли путешественников взимают подать за проезд. Но и, заплатив проездное, никто не остается в безопасности, рискуя повстречать воинский отряд соседнего кагана, который тоже потребует плату. А опричь того по здешним дорогам промышляют разбойники, так что одинокому путнику грозят в этих землях не только холод и сырость...

Дядя Маттео подолгу беседовал с хозяевами постоянных дворов и с другими путешественниками, выведывая у них сведения о неведомой земле и об опасностях, которые могут встретиться на пути. Серебряные монеты и припасенная в дорогу мальвазия развязывали язык даже самым угрюмым собеседникам.

В одном *умете*¹ возле переправы Маттео услышал, что дорога на Москву пролегает по землям рязанского князя, который с Москвой во вражде, так что путь опасен. Услышав это, Маттео счел за благо дожидаться купеческого поезда и присоединиться к нему. По счастью, через два дня на постоянный двор прибыл большой обоз из Вильно, сопровождаемый несколькими наемными латниками. Заполнив своими теле-

---

¹ Умет – постоянный двор, хутор в степи.

гами весь двор, литовские гости устроили шумную трапезу, за которой Маттео договорился наутро двинуться вместе с ними. Путешествовать в компании безопаснее.

Но как спастись от холода, особенно по ночам? Следующая ночевка была в разоренной войной рязанской земле, где получить пристойный стол и кров оказалось не так-то легко. Зато Маттео раздобыл у здешних жителей два теплых плаща, подбитых медвежьим мехом, — для себя и для племянника. Эти плащи, которые местные называют по-татарски «епанча», пришлись весьма кстати: весь остаток пути они спасали путешественников от дождя и ночного холода. Укутаешься в них,пустишь лошадь шагом вслед за обозом — и дремлешь себе, мерно покачиваясь в седле... И такие сладкие грезы приходят, что не хочется с ними расставаться, возвращаться в холодную серую реальность... Запах спелых румяных яблок в корзине... Жеребенок, весело скачущий по зеленой лужайке... Выезд графа Генриха с блестящей свитой на соколиную охоту... Дразнящая улыбка Марики, ее аппетитные груди, что два упругих кочана, выпирающие из полотняной рубашки...

Только раз мечтался, почувствовал, что лошадь остановилась. Послышался шум голосов. Андреа с неохотой открыл глаза. Разъезженная дорога вывела обоз на взгорок. Весь в ярких пятнах еще не опавших листьев лес расступился, открыв вид на виднеющийся вдалеке город.

Оглянувшись в поисках дяди, Андреа увидел его в толпе

купцов. Оказалось, путь обозу преградили дружинники московского князя, и литовские купцы теперь объясняют, кто они да откуда. Убедившись, что обоз угрозы не представляет, и получив от купцов мзду, дружинники развернули своих коней и ускакали прочь. Обоз медленно двинулся в сторону города.

Издали Москва похожа на большой муравейник, облепивший холм над рекой. Такой вид ей придавала почти сплошь деревянная застройка. Лишь кое-где сквозь серую массу деревянных строений белели каменные дома.

Путь пересекла неширокая, но, похоже, глубокая река с крутыми глинистыми берегами. Дорога упиралась в ворота приземистой башни. Позади – мост через реку, а за ним еще одна башня с воротами. Московиты укрепили свой город по всем правилам фортификационной науки.

Чем ближе обоз подъезжал к воротам, тем становилось многолюднее. Громыхали телеги, мычал скот, перекрикивались ратники в кольчугах. Возле ворот невесть откуда к обозу подскочили мытари, потребовали въездное мыто. Уплатив, купцы въехали в широкие врата, преодолели мост и вступили, наконец, в город.

Толпы народа разного звания сновали туда и сюда по деревянным помостам, защищавшим горожан от грязи, которую месили лошадиные копыта. Повсюду бойкая торговля, в которой Андреа заметил некоторую систему: на одной улице торговали мясом, на другой плыл запах теплого хлеба,

далее – кислый запах выделанных шкур. Там же продавали сапоги. Пока Маттео расспрашивал кожевенника о гостинице, мимо прогрохотали несколько телег, груженных камнями. «Приказ великого князя, – пояснил кожевенник, – всем въезжающим везти с собой камни для городской стены».

Остановиться решили в Сурожской слободе, где жили союзные тирольскому графу генуэзцы. Правда, жилье оказалось под самой крышей, приходилось взбираться туда по узкой скрипучей лесенке. Но содержалось изрядно, и было тут тепло – сквозь комнату проходила каменная труба от топившейся внизу печи. Цену за постой жадные генуэзцы запросили немаленькую, но тут уж ничего не поделаешь. Жила Москва тесно, свободных комнат сыщешь с трудом. Впрочем, надолго Маттео задерживаться здесь не собирался, имея поручение необременительного, как он полагал, свойства. Граф Генрих, страстный соколятник, послал его приобрести с полдюжины московитских ловчих соколов самого лучшего качества, ради чего щедро снабдил золотыми дукатами.

Не зря, однако, писано в Книге притчей: «Много замыслов в сердце человека, но состоится только определенное Господом»². Представлявшееся несложным поручение наткнулось на неожиданные препятствия. Оказалось, что в московском государстве добыча соколов запрещена под страхом смерти! Всем запрещена, кроме специальных дове-

---

² Притч. 19: 21.

ренных лиц, уполномоченных особой княжой грамотой. Все добытые ловчие птицы считаются собственностью великого князя, который один только может, если пожелает, дать разрешение на их продажу. Или преподнести в дар в знак собинной милости. Так что для выполнения поручения московского архонта не миновать.

Генуэзцы, вхожие ко двору великого князя, подсказали, как подать прошение об аудиенции. Но предупредили, что князь редко бывает в своей столице. Если не воюет, то объезжает свои земли, собирает дани или творит суд. К тому же, против прежней простоты обхождения, ввел он сложный государственный церемониал, по которому проситель аудиенции должен прежде представить свое дело нескольким специально назначенным должностным лицам.

Хотя про генуэзцев и ходит дурная слава, как об обманщиках, тут они не слукавили. Как сказали – так и оказалось. Маттео представил свое поручение подьячему, который за некоторую мзду помог сочинить челобитную грамоту на имя великого князя. Но это было только начало. Хожение по инстанциям и ожидание аудиенции растянулось на несколько месяцев, за которые Маттео изрядно поиздержался.

Наконец, приглашение ко двору архонта получено. Окрыленный надеждой и прихватив с собой положенные дары (на которые, как он имел возможность убедиться, москвиты весьма падки), надев лучшую одежду Маттео отправился

в княжеский дворец, взяв с собой племянника.

Но великого князя в тот день они так и не увидали. Фрязинов (так на Руси называли выходцев из латинской земли) принял министр, или по-местному, ближний боярин.

Прочитав прошение, боярин долго выпрашивал да выведывал об обычаях фряжских земель, а особливо обо всем, что связано с соколиной охотой.

Маттео, хорошо знавший предмет, обстоятельно ему рассказывал.

Охота, – говорил он, – второе после войны занятие, достойное благородных сеньоров и королей. А соколиная охота – самый престижный и дорогой вид охоты.

Охота с ловчими птицами входит в состав семи рыцарских добродетелей, наряду с искусством фехтования, верховой ездой, стихосложением и владением копьем. Престиж соколиной охоты в западных землях настолько высок, что даже герцоги и короли не гнушаются лично разводить ловчих птиц, опустошая, ради этого, свою казну. Даже сам император Фридрих II собственноручно написал трактат «*De arti venandi cum avibus*» («Искусство охоты с птицами»), в котором изложил правила соколиной охоты. Это занятие, говорит император, предназначено исключительно для благородных особ и запрещено для простолюдинов. Да последним оно и не по карману.

Маттео поведал, что среди правителей и вельмож ценятся не столько птицы-добытки, сколько редкие, экзотические,

привезенные из отдаленных мест экземпляры. Особенно – белые и полубелые кречеты, служащие украшением пышных парадных выездов, предназначенных специально, чтобы блеснуть перед соседями. А таковые кречеты, как мы слышали, – продолжал Маттео, – водятся в землях великого князя. Потому граф Генрих почтительно просит продать ему партию таких птиц и готов предложить за них хорошую цену.

Выслушав, боярин сказал, что доложит просьбу владетельного графа Генриха великому князю и через два дня сообщит его решение.

Через два дня Маттео и Андреа опять явились в присутственное место, где ожидало приема множество просителей. На этот раз боярин принял их более приветливо. Он сказал, что великий князь готов продать графу Генриху ловчих птиц, но при условии, что оба фрязина, дядя и племянник, согласятся поступить на службу к великому князю для устройства соколиного промысла и торговли соколами с западными державами.

Услышав столь неожиданное предложение, Маттео растерялся. Но затем, придя в себя, попытался объяснить боярину, что при всем уважении к великому князю Московскому, они с юным племянником обязаны вернуться к своему господину, и что их верность графу Генриху не может быть условием сделки.

Боярин, с явным неудовольствием ответил, что это существенно усложнит переговоры о покупке соколов и посовето-

вал еще раз подумать о щедром предложении великого князя Ивана Даниловича.

И действительно, столь простое, казалось бы, дело, грозило затянуться, а то и вовсе кончиться неудачей. Но не оставаться же и впрямь в варварской стране? «Una salus est misericordia Dei nostri»³ – записал в своем дневнике Маттео, и, возложив свои упования на Всевышнего, стал ждать.

Уже и зима кончалась, вместе с надеждой на легкий санный путь, когда, наконец, получено было от князя разрешение на продажу пяти соколов, да шестого великий князь пожаловал графу Генриху в дар (правда, стоили те пять соколов как все десять, так что прижимистый москвит внакладе не остался).

Воодушевленный долгожданной удачей, Маттео предложил отпраздновать сделку в таверне на Сурожском дворе, который обоим путешественникам не терпелось поскорее покинуть.

В отменном настроении отмечали они завершение своей миссии, запивая нежного ягненка и поджаренный овечий сыр терпким лигурийским, когда на плечо Маттео легла тяжелая длань с массивными серебряными перстнями.

– Вот уж кого не ожидал увидеть в земле Гиперборейской! Неужели это мессир Маттео Пьетро Меркурио? – раздался над ухом громовый голос обладателя пятерни.

– Пресвятая Богородица! – воскликнул Маттео, вставая

---

³ Единственное спасение – милосердие Божие (лат.)

со своей скамьи, – Лоренцо! Это ты? Каким ветром тебя занесло?

– Сегодня прибыл с обозом. Великий князь Московский ныне при деньгах. Так я по требованию его милости привез парчу, бархат, сосуды стеклянные, ручные зеркала, черепаховые гребни. Да двух архитекторов доставил из Милана – у московитов большое строительство затевается. Назад меха повезу, да жемчужное шитье. Меха здешние отменные: в Милане банкиры их вместо золота принимают. А жемчуга скатные куда лучше индийских!

– Ах, не поверишь, дорогой друг, как я рад тебя видеть, – обрадовался Маттео. – Окажи честь, присядь, преломи хлеб с нами. А это племянник мой Андреа. Помнишь его?

– Поверить не могу! – пробасил гигант. – Тот самый карапуз, что из детского лука с меня шляпу сбил! Вот какой стал! Тогда без штанов бегал – а тут гляди-ка, уж усы пробиваются! Ах, как время бежит!

– Вот, ей-Богу, просто праздник сегодня! Мы тут с осени сидим, уж так по родной земле стосковались! Ну, расскажи, Лоренцо, что там, как там? Здоров ли граф наш Генрих?

– Э-э! Да вы ничего не знаете? Нет, правда? – Лоренцо опрокинул в себя полный кубок вина, отправив вослед ему изрядный кусок телятины.

– Вестей давно не получали, – сказал Маттео. – А что случилось-то?

– А случилось, любезный друг Маттео, многое. Граф Ген-

рих в одночасье скончался. Кто говорит, с лошади упал, кто, – что ноги в студеное ручье замочил. Как с охоты вернулся, так слег. А на другой день преставился, царствие ему небесное!

– Вот это да! Так значит, наши господа теперь – графиня Маргарита и ее молодой супруг Йохан, принц Чешский? А на самом деле его папаша, король Чехии всем заправляет?

– Да, брат, ты точно не в курсе. Чехам ничего не обломилось. На Генрихово наследство претензии предъявил Альбрехт Австрийский. Изрядный кусок он-таки урвал. Но тут ему поперек встали баварцы, которые тоже захотели поживиться. Едва война между ними не началась. Тогда они решили Тироль меж собой поделить. Но тут уж тирольцы не выдержали, подняли восстание, и тех и других изгнали. А правительница теперь сама Маргарита, дочка Генриха.

– Эта уродина? – встрял в разговор Андреа.

– Ага! – Слышали, как ее прозвали? Хотя откуда вам... Дразнят ее «графиней Маульташ⁴».

Лоренцо скорчил рожу, выпятив губы и вытаращив глаза, изображая графиню.

Андреа, припомнив злобный нрав и уродливое личико Генриховой дочки со ртом, похожим на кошелек, прыснул от смеха.

---

⁴ Маульташ (нем. Maultasch) в буквальном переводе «пельмень» (маульташи – популярное тирольское блюдо). В разговорной речи в описываемые времена означало также «порочная женщина», «проститутка» – так графиню Маргариту характеризовали политические противники и церковь.

– И что, как она? Справляется? – осторожно спросил Маттео. – Ее же, в правительницы-то не прочили. Генрих хотел, чтобы после него престол унаследовал его зять. Для того и выдал ее за чеха.

– Еще как справляется! Йохан Чех все-таки иностранец, а Маргарита – своя, законная наследница. С попущения местного дворянства она всю власть взяла в свои цепкие руки и устроила там такое, что по всей Европе пересуды пошли.

– Вот как? И что же?

– Первым делом все зеркала в замке перебила. Но это ерунда, конечно, кого сейчас такими выходками удивишь? А дальше за людей взялась. Все, кто имел неосторожность над ее внешностью потешаться или что-то ей поперек сказать, – теперь в опале. А которые и в темнице. Но не это главное. Представляете, возвращается Йохан с охоты, а она приказала ворота перед ним закрыть, и не пускать! Законного своего супруга!

– Да, она всегда охоту не любила, – подтвердил Андреа.

– И долго он под дверью простоял? – спросил Маттео.

– Долго? Да она его вообще не пустила. Пришлось бедному Йохану скитаться по чужим углам, пока его не приютил из жалости патриарх Аквилейский. Теперь Маргарита одна сидит в своем замке, и плевать ей на осуждение соседей. Ой, я вижу, любезный друг Маттео, что известия мои тебя огорчили. Право слово, не хотел... Ну, ладно, благодарю за уго-

щение, мне еще надо распоряжения отдать насчет обоза.

Вернувшись в свою каморку под крышей, Маттео долго сидел в задумчивости, рассеянно листая книгу Петрония, которой любил скрашивать скучные вечера. Одна фраза в книге привлекла его внимание. «*Supra nos Fortuna negotia curat*» – «минуя нас Судьба вершит дела», – прочитал он вслух.

Сообразив, что взбалмошная графиня Маргарита, ненавистница охоты, не одобрит огромных денег, потраченных на русских соколов (ценою в хорошее стадо коров каждый!), Маттео, проворочавшись бессонно всю ночь, пришел к выводу, что возвращаться во владения вздорной бабы опасно. Тюрьмы точно не избежать, а то можно и без головы остаться. И за что? За то, что честно выполнили поручение ее отца!

На следующее утро явился гонец от великого князя с приглашением посланцам тирольского графа прибыть на княжий двор, где им будут переданы купленные ими драгоценные соколы и выдана скрепленная княжеской печатью подорожная для беспрепятственного проезда по его землям.

Великий князь был занят сборами в очередной военный поход, но принял иноземных посланников доброжелательно, говорил ласково и велел подать им хорошего качества мальвазию в серебряных кубках. Приняв от дьяка заранее заготовленную подорожную, прежде чем поставить на ней свое имя и печать, Иван Данилович отложил бумагу в сторону и спросил: не передумал ли «мастер Матвей», и не желает ли

поступить к нему, великому князю, на службу?

В те поры великий князь Иван Данилович был занят укреплением и приращением Московского княжества. Формально он считался данником ордынского царя, в пользу которого собирал «выход», то есть подати с русских земель. На самом деле большая часть собранного серебра до Орды не доходила и оседала в московской казне. Соседние князья об этом догадывались, но «выход» исправно давали. У Ивана Даниловича попробуй не заплати – мигом нажалуется татарам, и те придут разбираться с недоимщиками. А князю московскому только в радость – удобный повод прибрать к рукам «плохо лежащие» соседние земли.

Так, под предлогом неуплаты «выхода», Москва прибрала к рукам земли Печерские и Вычегодские. Придворный летописец записал об этом: «в лето 6841⁵ князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцов, по что устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печеры не дают чорный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печеру и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди».

Подати, стекавшиеся в московскую казну, долго, однако, в ней не задерживались. Собираение земель обходилось дорого. Да и войско нужно было содержать. Требовались дополнительные источники дохода.

Большие надежды Иван Данилович возлагал на недавно

---

⁵ 1333 год от Рождества Христова.

приобретенную Печерскую землю. Это был край, изобильный зверем: куницами, белками, соболями, и всякой иной «скорою противой», а также моржовой костью и охотничьи-ми соколами. Соколиный промысел, – князь был в этом уверен, – очень прибыльное дело. А тут перед ним иностранец, сведущий в соколином искусстве и знающий обычаи и потребности западных государей. Как раз такой человек нужен для того, чтобы управлять новыми землями. А если бы он наладил здесь соколиный лов и торговлю соколами, серебро так и потекло бы в казну рекой!

Такие мысли роились под расшитой жемчугами тафьей, венчавшей голову великого князя.

А воображение Маттео в этот момент рисовало другую картину – как карикатурно-уродливая графиня Маргарита указывает ему на плаху палача.

– Почту за честь служить столь великому государю! – произнес Маттео и сотворил земной поклон, как принято у московитов. Андреа тоже склонил голову по его примеру.

Обрадованный Иван Данилович протянул обеим руку для целования. Затем, призвав стоящего поодаль писца, продиктовал указ, о назначении фрязина Матвея Меркурия наместником великого князя Московского в Печерской и Вычегодской землях с наказанием поддерживать в тех землях порядок и спокойствие и собирать дань для великокняжеской казны белками, куницами, соболями, а самое главное – снабжать великого князя ловчими соколами.

Для последней надобности князь повелел составить для новоназначенного наместника особливую грамоту:

«Се яз, князь Великий Иван Данилович всея Руси, пожаловал есмь соколников печерских, хто ходит на Печеру, Жилу с друга. А се их имена: Жила, Олюша, Василко, Степан, Карп, Федец, Острога, Бориско, Кузма, Дмитрок, Власии, Микитица Иванов сын, Семенец, Кондрат, Чешко, Семенец, Григорь, Степанец, Савица. Не надобе им никоторая дань, ни ко старосте им не тянута; и что у них третники и наймиты, хто стражет на готовых конех, а в кунах, и тем не надобе никоторая дань, ни ко старосте им не тянута, ни биричь их не поторгыват, не надобе ни корм, ни подвода. Хто ли через мою грамоту что у них возмет, и яз, князь великий, кажню, занеже ми люди те надобны. А приказал есми их блюсти Меркурюю. А ты, Меркурей, по моей грамоте блюди их, а в обиду их не выдавай никому».

Так тирольский выходец Маттео Пьетро Меркурио, прозванный в Московии Матвеем Петровичем, стал управителем Печерской земли.

Дело это непростое и хлопотное. Печера щедро наделена Господом природными богатствами и имеет важное стратегическое значение. Через ту землю пролегает путь из Обдоры и Великой Пермии через Железные ворота, за Камень, в Югру, в Мангазею, в царство Сибирское. Однако малонаселенность, отсутствие дорог и удаленность от Москвы делает этот край легкой поживой для алчных соседей.

По свидетельству летописца Печера прежде состояла в данниках у Великого Новгорода. Но опричь дани лихие люди новгородские, ушкуйники, приходили и разоряли ту землю и народ ее избивали, а собранные ордынские дани дерзостно присваивали.

Так что службу Печерского наместника синекурой не назовешь. Тем не менее, Матвей Фрязин с порученными ему обязанностями справлялся. Он отечески управлял Печерой в правление Ивана Даниловича и наследовавших ему сыновей – Симеона Ивановича «Гордого» и Ивана Ивановича «Красного». Каждый из них, восходя на великокняжеский стол, подтверждал его полномочия. Пребывая бессменно на своем посту, Матвей Петрович оборонял эту землю от новгородцев, вогуличей-идолопоклонников и сибирцев, вторгавшихся в Печеру с разных сторон, побивавших ее жителей и разорявших городки и погосты. Тем снискал он добрую славу среди жителей Печерской земли, которые даже полагали его за некоего былинного богатыря, а после его кончины сложили про него легендарные сказания.

В записанной на Печере народной былине Матвей Петрович предстает чашником князя Владимира «Красно Солнышко», участником главных событий былины:

Что взговорит чашник фрязин Матвей Петрович:

«Ой еси ты, млад Олеша Попович!

Не шути ты шуткою несвойскою

Над Тугарином Змеевичем:

Тугарин Змеевич, усердия доброва,
Не любит шутки тяжелыя».

Что взговорит чашнику млад Олеша Попович:

«Ой еси ты, фрязин Матвей Петрович!

Не печалуйся ты об Олеше Поповиче,

Печалуйся о Тугарине Змеевиче.

А за меня печалуетца Спас и Пречистая Богородица».

И приходит день к вечеру,

А уже идет пир на вечере,

Подадут еству девятую лебядь белою.

И как будет пир навеселе,

Учили князи и бояре напиватися

И сильныя могучия богатыри похвалятся.

Что взговорит ласков князь Владимир Киевской:

«Есть ли мой чашник фрязин Матвей Петрович!

Налей чару в полпята; ведра меду сладково

За Тугарина Змеевича здравие».

Громовые трубы

*Их дома вихорь разметал,
их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины созрел
их шлемы и кольчуги.
Но дух отцов воскрес в сынах.
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
с их славными делами.*

В.А.Жуковский

После кончины легендарного Матвея Петровича, прозванного Печериным, наместничество его ради богатых да-ней вновь стали оспаривать новгородцы и князя ростовские, державшие в своих руках Великий Устюг, через который пролегал путь к Печере.

На время Москва утратила контроль над Печерской землей. Но она не собиралась терять столь выгодное приобретение.

Лета 6872 (1364) князь великий Дмитрий Иванович «взверже гнев на князе на ростовсково Костентина и взял от тово Ростов и Устюг и пермские места устюгские».

А спустя три года, говорит летописец, «Дмитрей Иванович заратися на Ноугород, а ноугородцы смирилися. Взял князь Дмитрей по тому розмирю к себе Печеру, Мезень и Ке-

грозские. Люди пермские за князя за Дмитрия крест целовали, а новгородцом не норовили».

Тогда же князь великий Дмитрий поставил владеть Печерой фрязина Андрея Меркурия, племянника Матвея Печерина и составил о том жалованную грамоту, в которой поручил Андрею блюсти порядок в своем владении, а печерянам наказал слушать и чтить его, как было при дяде его Матвее:

«Се яз князь Великий Дмитрий Иванович пожаловал есмь Ондreja фрязина Печерою, как было за его дядей за Матвеем за фрязиным, а в Перми емлет подводы, как было и доселе, а вы, печеряне, слушайте его и чтите, а он вас блюдет. А ходить по пошлине, как было при моем деде при князе при великом при Иване, и при моем дяде при князе при великом при Семене, и при моем отци при князи при Великом при Иване, так и при мне».

В лето 6884 (1376) князь великий Дмитрий Иванович повелел Андрею Фрязину, прозываемому по своему наместничеству Печерин, выступить с воинскими людьми в поход на Асана Булгарина (так русские называли эмира Хасан-хана, ордынского правителя Волжской Булгарии) на которого шло войско нижегородское под началом московского воеводы Дмитрия Михайловича Боброк-Волынского. Предав огню много сел и побив изрядно людей, войско подошло к самому Булгару.

Умелый стратег и храбрый воин Хасан-хан решил первым напасть на противника, пока тот не укрепился и не взял го-

род в осаду. Он вышел из своей столицы навстречу русскому войску с боевыми верблюдами, лучниками и арбалетчиками, а со стен булгары открыли огонь из пушек, «гром пущающе з града, страшаще Русское воинство».

У русских в те времена артиллерии не было, и огнедышащие рычащие громовые трубы производили на них устрашающее действие.

Увидев выходящее из города вражеское воинство, воевода приказал своей коннице немедленно атаковать супостата. Всадники, в числе которых был Андрей Печерин с отрядом своих воинских людей, воевавших под его фамильным черно-белым стягом, ринулись вперед. И тут Андрей узрел, что навстречу им несутся некие огромные и страшного вида создания, издавая бешеный рев. Казалось, врата ада отворились, и оттуда, придя на помощь поганому Хасану, вырвались на свет Божий неведомые твари. Конь под Андреем, учуяв этих адских созданий, встал на дыбы, и, захрипев, кинулся ошуюю. Впрочем, и другие конники, замедлив бег, подались кто куда врассыпную.

Однако позади конницы уже выстроились пешие полки, создав подобие стальной стены, ошетилившейся копьями. Бросаться на такую стену – безумие.

Увидев это, Хасан поднял руку, и со стен города завывали рожки, призывая к отступлению. Булгарская конница, вперемишку с боевыми верблюдами – именно эти создания, как выразился летописец, «...кони русских вой полошающе», то

есть напугали непривычных к ним русских коней, — отступила, опасаясь засады.

Восстановив порядок в своем войске, воевода Боброк скомандовал наступление, велел пехоте бегом продвигаться к воротам, а в случае атаки неприятеля встретить ее копьями. Конница же должна была ударить с флангов. Как запишет потом летописец, русские, преодолевая страх перед грохотом басурманских пушек и ревом «вельблудов», «... крепко противустаха на бой, и устремишася единодушно на них».

Увидев неустрашимость московского войска и его численный перевес, Хасан-хан приказал своей орде отступить и укрыться за стенами города.

Когда ему доложили, что русские уже подступили к воротам и сооружают таран, эмир Хасан запросил мира. Выйдя из ворот со свитой и дарами, он поклонился русскому воеводе и подал ему свою саблю, прося только не жечь город и не истреблять жителей. За это согласился он выплатить участникам похода выкуп пять тысяч рублей: три тысячи воинам и воеводам и две тысячи князьям. А также уплачивать ежегодную дань Московскому великому князю. «И выдать Москве все пушки градские» — добавил воевода Боброк. Хасан, скрепя сердце, согласился.

Операция по доставке в Москву крепостных орудий закончилась успешно

В русском стане праздновали победу. Победители радовались богатой добыче и хвалились друг перед другом своими подвигами. Только воевода Боброк озабоченно рассматривал сложенные штабелем толстенные бронзовые трубы – болгарские крепостные орудия. Он видел их в бою. Устрашающее зрелище. Установить бы такие на московские стены – ни одна вражина бы не устояла. Да только как их в Москву дотащишь? Кому такое под силу? Неужели придется здесь бросить?

– Что Дмитрий Михайлович не весел? О чем печалишься? Пристало ли победителю? – услышал он чей-то беззаботный голос. Оглянувшись, увидел знакомое лицо.

– А, это ты Андрей? Славно сегодня воевал, хвалю! Только вот думаю: отбили мы у Асана эти громовые трубы, а что дальше? С собой не заберешь. Тут оставишь – супостат опять их на стены поставит, и что же, вновь воевать его идти? А войску возвращаться пора – князь великий ждет.

– Да, задача... – призадумался фрязин. – Был бы дядя жив – наверняка бы что-нибудь придумал... Хотя, постой! Князь великий Дмитрий Иванович, когда назначил меня наместником Печеры, дал мне грамотку, по которой я могу истребовать подводы из Великой Перми.

– Подводы?

– Да! Надо послать гонца в Пермь. Пусть пришлют подвод, положим по одной пушке на подводу, авось довезем. Да несколько подвод пустых – если что в пути случится.

– Мысль хорошая. Но только... Не ровен час, какой супостат на Москву пойдет, да хоть те же рязанцы. А войско далече. Нет, не могу я ждать, пока подводы твои придут!

– А тебе и не надо! Веди войско на Москву. Немного ратников только оставь для охраны. А я погружу все на подводы и двинусь следом.

На том и порешили.

Долго ли, коротко ли, но операция по доставке в Москву крепостных орудий закончилась успешно. Если не считать, что одну пушку утопили при переправе через Суру, да разбили дорогою две подводы. Дмитрий Иванович сам вышел встречать необычный обоз, осмотрел огнедышащие трубы,

обнял и расцеловал Андрея Печерина, и велел ему оставаться при нем, великом князе, в Москве. А привезенные пушки приказал установить на городских стенах.

Эти орудия оченьгодились шесть лет спустя, когда к городу подошла Тохтамышева орда, «волоости и села жгучи и воюючи, а род христианский секучи и убиваючи, а иные люди в полон емлючи». Защитники города два дня отбивали атаки ордынцев, «иные тюфяки, а иные пушки великие пущаху». Только из-за предательства и коварного обмана Тохтамышу удалось овладеть Москвой.

Впрочем, Андрей уже не застал этой трагедии.

В лето 6886 (1378) он сопровождал великого князя в походе на идущего на Москву с великой силою татарского мурзу Бегиша.

Войска встретились возле реки Вожи, заняв позиции на противоположных берегах реки. В этом месте река была глубока и быстра, и был только один брод. Узнав об этом от посланных вперед разведчиков, Дмитрий Иванович занял позицию на холме перед бродом, перекрыв татарам единственную переправу.

Защитники города два дня отбивали атаки ордынцев, «иные тюфяки, а иные пушки великие пущаху»

Бегиш не решился переходить реку на виду у русского войска и несколько дней выжидал. Тогда Дмитрий Иванович, видя нерешительность татар, решил прибегнуть к хитрости. Он приказал войску отступить как бы в страхе перед неприятелем. Обрадованный Бегиш решил воспользоваться освободившимся бродом и бросил свою конницу в погоню за отступающим противником. Однако москвиты уже поджидали татар, выстроившись в боевой порядок наподобие полумесяца. Андрей Печерин находился на правом фланге, на который обрушился первый натиск татар. Пришпорив свою лошадь, он кинулся навстречу врагам, но был сражен случайной стрелой, попавшей в щель между шлемом и коль-

чугой. Случилось это 11 августа 1378 года.

Зловещий синодик

*В уездах и станах кровь льется рекой,
А царь – вурдалак все напиться не может,
Он истово крестится правой рукой,
А левой – сдирает у подданных кожу.*

С. Воробьев

В ожидании неминуемой кончины живота своего страх Божий обуял ныне дряхлого старца, а прежде кровавого деспота Иоанна IV «всея Руси». В ночных снах, а теперь и в дневных видениях замученные и убитые являлись ему, взывая к отмщению. А загубил он на своем веку человеческих жизней без счету – и простого звания, и жен, и детей, и знатнейших бояр, и князей-рюриковичей, и даже людей божьих, иноков. Одно то, как поступил с архиепископом Пименом новгородским для адского костра достаточно: с почтенного слуги Божия сорвали клобук, посадили на кобылу задом наперед и повесили гусли на шею, как на скомороха. Потом, конечно, умертвили. А о принявшем схиму боярине Козаринове-Голохватове сказал: сей боярин хочет стать аки ангел, вознесенный в небеса? Привяжите его к бочке с порохом, да подпалите – пущай полетает!

Предчувствовал душегубец, что скоро черти потащат его на правеж за такие его неизгладимые вины: настанет его черед держать ответ перед Всевышним за сотворенное на зем-

ле, и знал: нет и не может быть ему оправдания.

Увлеченный своей инфернальной бухгалтерией, вспоминал кровавый старец былые «подвиги»; страшные картины вставали перед его глазами.

И приказал венценосный палач своим слугам собрать допросные листы и указы об арестах, и все имена замученных и казненных внести в синодик, сиречь поминальник, чтобы монахи по всей стране ежедневно поминали невинных мучеников: может хотя бы это зачтется ему на Страшном суде.

Ослушается ли кто грозного царя?

Заскрипели перья приказных подъячих, выводивших казенным письмом по шероховатым пергаментам:

«Лета семь тысящъ девянтдесят перваго (1583 год от Рождества Христова) царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси велел написати в сенаники [синодике] князей и бояр и прочих людей опальных по своей государеве грамоте... и разосла по монастырям поминание и велел поминати на литиях и литоргиях, и на понахидах по вся дни в церкви Божий...».

По принципу «хочешь, чтобы было сделано хорошо – сделай сам», самодержец, по своему обыкновению, сам возглавил составление синодика (как прежде, в опричные времена, лично возглавлял «министерство пыток» – Пытошный двор в Александровой слободе). Имена же казенных дописывали подъячие, справляясь с «первичной документацией».

«В Губине Углу отделано 30 и 9 человек» – диктовал государь. «Михаила, Левонтия, Бряха, Никита...» – дописывали писцы.

«В Матвеищеве отделано 84 человека, да у трех человек по руки сечено» – «Григория, Алексея, Севрина, Федора, инока Никиту Казаринова, Андрея Баскакова муромца, Смирнова Терентия, Василия, Ивана; Григоря, Иева, Василия, Михаила, да детей их 5 человек...»

«Отделано» – значит, убито, замучено, казнено.

Истово взявшись за поминальную работу, так же как

прежде он истово брался судить и казнить, Иван Васильевич наткнулся на проблему: в некоторых пытошных листах палачи ленились, а может, не успевали или не сочли нужным перечислять имена своих жертв, и записывали их на счет как скот, по головам, десятками, а то и сотнями. Как записать этих безымянных мучеников в синодик? Но не даром он помазанник Божий! Нашел-таки решение: «А которые в сем сенаники не имена писаны, прозвищи или в котором месте писано 10 или 20 или 50, – диктовал царь, – ино бы тех поминали: «ты, Господи, сам веси имена их».

Увлеченный своей inferнальной бухгалтерией, вспоминал кровавый старец былые «подвиги»; страшные картины вставляли перед его глазами.

Вот добрался он до 1570 года:

«Казни в Москве... июля 21 дня – 16 душ, среди них женок двух, да детей двух, да князя Петра, боярина Серебряного,...»

«Июля 27 дня... – Никита Фуников, казначей земский, да Иван Висковатый, печатник. Василий Стефанов, дьяк з женою да 2 сына, другой дьяк Иона Булгаков з женою да з дочерью, дьяк Григорий Шапкин с женою да 2 сына... Да подьячей – Григорий Печерин, Воин, Борис, Макарей...».

Последние слова писцы едва разобрали, а следом за тем, утомленный монотонным перечислением, старец поник лысой головой, погрузившись в тревожный сон, что с ним в последнее время случалось нередко.

Старческий сон перенес его на тринадцать лет назад.
Жаркий день на Москве, на небе ни облачка.

В открытые окна дворца доносится стук молотков и визг пил: за кремлевской стеной, на рыночной площади, прозываемой «Поганой лужей», плотники в спешке завершают приготовление к казни. Солнце уже давно встало, а у них еще не готово. Надо бы артельщиков за нерадивость отделать, да только где ж потом мастеров найти, а потребность в них чуть не каждый день.

Наконец Малюта явился с докладом: «Готово, государь».

И впрямь готово. Была «Поганая лужа» – а стал целый ярмарочный городок. Только вместо качелей-каруселей помосты с орудиями казни, а вместо привычной вони от мясных и рыбных рядов – запах свежеструганых сосновых досок.

Вот и заговорщиков-воров гонят бравые государевы опричники. Вот она крамола, как она есть – целых триста человек злоумышленников против помазанника Божия! Только толпа зрителей что-то жидковата, да и те норовят скрыться. То ли от жары, то ли от страха. А это плохо. Балаган без зрителей – не балаган. Или в людишках недовольство зреет? Не дай Бог, взбунтуются, как свеи против своего короля Ерика...

Ну-ка, пусть Малюта распорядится, пусть его молодцы народ успокоят, скажут, чтобы возвращались посмотреть на царский суд и милость.

– А ты сам-то, Малюта, как думаешь, неужто не токмо бо-

яре, но и служилые дьяки с подъячими, живущие не от имений, а от царской милости, и те государя не любят? Все триста душ? И Никита, которому государственная казна доверена, и Висковатый, хранитель печати?

— Да, государь, эти—то самые зловредные. Вины их доказаны. Хоть сами они упорствуют, но другие на них донесли. Под пытками кто правду не скажет?

Прикащик Земского двора Григорий Печерин шел в толпе осужденных босиком по пыльной дороге, подгоняемый гладкомордыми опричниками в зловещих черных сутанах. Босиком — потому что один из охранников, расталкивая арестантов поутру, приказал отдать новые сафьяновые сапожки, отцов подарок.

— До заката дня ты уже предстанешь пред Богом, — сказал опричник, гадко ухмыляясь, — а там тебе сапоги не понадобятся.

Прикащиков, младших подъячих, писцов и прочую мелкую сошку вместе с конюхами и приказными сторожами, гнали в конце колонны, а впереди шествовали начальники приказов и дьяки. По нынешним временам — первые лица государственных ведомств, министры и начальники департаментов. Будто вся государственная власть была в одночасье арестована. Григорий, которого черные сутаны схватили только вчера, просто не мог в это поверить. Это было похоже на дурной сон, и молодой человек время от времени щипал себя за ухо, чтобы проснуться. Однако дурной сон продол-

жался.

Отца арестовали неделей раньше. Как всегда, выехал со двора без четверти семь утра, но к обеду не вернулся. Такое, конечно, и раньше бывало: в Посольском приказе иной раз возникали срочные дела. Матушка послала дворового Тришку сбегать в приказ узнать. Тришка вернулся белый как мел и сообщил, что возле приказа полно опричников, которые никого не пускают, а со двора выносят корзины со свитками и грузят на вozy. А в одном возке сидят под охраной приказные, и руки у них связаны.

Когда отец не пришел и на следующий день, матушка, отослав младших, которым было сказано, что батюшка выехал с посольством в Лифляндию, сказала Григорью, что случилась беда, и отец попал в опалу, а то и хуже.

Зная обычай опричников, она посоветовала ему бежать из Москвы.

Может, и зря он матушку не послушался... Хотя куда бежишь? У черных сутан везде соглядатаи. Если на дороге схватят – точно казнят как изменника. И не только его самого, но и жену Ирину, которая на сносях, а то и матушку.

Скрывая страх, на следующий день Григорий все-таки отправился к месту службы, в Земский двор. Там вроде бы все было по-прежнему, только очень тихо. Шептались, будто некоторые приказы чуть не в полном составе схвачены и уведены в Александрову слободу, но все старательно делали вид, что ничего не случилось. Несколько дней он работал,

исполняя привычные обязанности. Думал, опасность миновала. А вчера пришли и за ним.

Когда чернорясники притащили его на съезжий двор, он увидел там множество знакомых и незнакомых людей, загнанных в лошадиные стойла или в большие деревянные клетки, грубо сколоченные на дворе. Некоторые стонали и просили пить, другие сидели молча, потупя взор. По двору деловито сновали опричники, то приводя новых жертв, то выхватывая кого-то из клеток и таща в съезжую на допрос. Среди этого множества лиц растерянный Григорий не сразу признал отца, сидящего возле ограды. Лицо его было в кровоподтеках, а одежда изорвана. Увидев, Григорий хотел было кинуться к нему, но отец помотал головой, подавая предостерегающий знак. И только когда стемнело, к Григорью, помещенному в дальний угол двора, подошел служка и жестом показал следовать за ним. Пробираясь в тени навеса, служка привел его к клети, где находился отец, и позволил им поговорить. Отец, кинув служке монету, и, поманив сына, тихим голосом заповедал, чтобы не подавал виду, будто они знакомы, а тем более родня. Потому что опричники имеют обыкновение истреблять неугодных им людей вместе со всем семейством, с женами и чадами.

– Я отсюда вряд ли живым выйду, – сказал отец, – а тебя, если не прознают, что ты мой сын, может и отпустят. Если окажешься на свободе, времени не теряй. Беги к немцу Шлихтингу, который, помнишь, у нас бывал дома, он помо-

жет. Шлихтинг говорил, что собрался тайно бежать в Литву, а оттуда на родину, в Померанию, вот бы и ты с ним. На вот тебе пояс, в нем припасено серебро, достаточно на дорогу. Только чернорясникам не показывай – эти и серебро отберут, и на тебя же донесут. Будь осторожен, береги себя. Ну, все, иди, и запомни: ты меня не знаешь.

Страшные это были времена.

Немец Шлихтинг позже, уже сидя в спокойном Вильно, куда не простиралась власть московского царя, запишет в своих воспоминаниях: «При дворе тирана не безопасно заговорить с кем-нибудь. Скажет ли кто-нибудь громко или тихо, буркнет что-нибудь, посмеется или поморщится, станет веселым или печальным, сейчас же возникает обвинение, что ты заодно с его врагами или замышляешь против него что-либо преступное».

На рыночной площади открылись Григорию диковинные сооружения, столбы и колеса. Не сразу сообразил, что это: Стефан Палицын, погодок, служивший в разбойном приказе, глаза открыл.

– Ну, это ж воров и разбойников казнить, – прошептал Григорий, – на нас-то вины нет.

– Вина наша уж в том, что мы родились в такие времена, – ответил Стефан и перекрестился.

Тут черные сутаны на них зашикали и, ударяя без разбору своими посохами, заставили арестантов пасть ниц прямо в площадную пыль. «Государь, государь» – слыша-

лось вокруг. Повернувшись направо, увидел Григорий как на устланный коврами помост, сделанный наподобие крыльца, восходит царь, одетый не по-царски – в черную рясу с куколем на голове.

На другой помост, возвышавшийся над толпою, где посередине стояла плаха с топором, а возле нее – палач разбойного приказа, взошел дьяк Василий Щелкалов, и, развернув длинный свиток, дрожащим голосом стал зачитывать вины думного дьяка, хранителя Большой государственной печати Ивана Михайловича Висковатова. В обвинении говорилось, будто он, дьяк Висковатов, сносился с польским Сигизмундом, хотел предать ему Новгород, будто писал султану, чтобы он взял Казань и Астрахань, и звал крымского хана опустошать Россию. Чего быть никак не могло – в этом Григорий был уверен.

Выслушав приговор, Висковатов снял шапку, низко поклонился народу, и, назвав обвинения небывалыми и наглыми клеветами, стал по пунктам разоблачать ложь дознавателей. По толпе прокатился ропот. Тогда на помост выскочил, аки черт, сам глава дознавателей и зачинщик всего действия рыжебородый Малюта Скуратов, и, сбив печатника с ног, кривым ножом отсек его ухо. Следом за ним на дьяка набросились палачи из опричников и стали кромсать его ножами, срезая с него, живого, куски мяса.

Наскоро зачитывались вины осужденных и назначенные им способы казни, которые тут же приводились в исполнение

Затем настал черед Никиты Фуникова, обвиненного в потворстве изменнику и в утаивании государственной казны. Для Фуникова скорый на всякое злодейство Малюта придумал небывалую казнь: почтенного дьяка, сорвав с него одежду, попеременно обливали то кипятком, то холодной водой, а тем временем жену его посадили нагой на натянутую веревку и протащили по ней несколько раз.

После этого палаческий конвейер вовсю заработал в разных углах площади. Наскоро зачитывались вины осужденных и назначенные им способы казни, которые тут же приводились в исполнение. Людей распинали на бревнах, колесовали, четвертовали, бросали в кипяток, заживо поджари-

вали на железных решетках. Каждый раз, когда находился мужественный человек, заявлявший о своей невинности и бросавший обвинения в адрес Малюты или самого царя, в народе поднимался ропот, одни вслух возмущались и жалели невинных мучеников, другие норовили с площади убежать. Опричникам приходилось удерживать народ силой.

Григорий стоял, окаменев. Взирал на эту адскую вакханалию, как будто картина страшного суда, что обычно изображается на задней стене церкви, внезапно ожила и пришла в движение.

Вот настал и его черед: служители ада, черные как вороны, своими посохами с железными наконечниками погнали его и стоявших рядом с ним Стефана и других младших подьячих к помосту, где попеременно орудовали окровавленными топорами два палача, сбрасывая головы казненных в рогожные мешки. Последний раз обернувшись на сияющий в ярко-голубом небе золотой крест колокольни, Григорий был повален на липкую от крови плаху и свет в его глазах померк навсегда...

Никифор Иванович Печерин, вместе с другими, чьи составы были повреждены от пыток во время следствия, и которые не могли передвигаться самостоятельно, сидел на возке, ожидая своей участи.

Будучи ближайшим помощником думного дьяка Ивана Михайловича Висковатова, он понимал, что участь его предопределена. И молился только о том, чтобы сын его, двадцати-

двухлетний Григорий, остался жив.

Прикрывая ладонью глаза от палящего солнца, вглядывался он в творящееся вокруг, в надежде разглядеть Григория. Возок был высокий, специально устроенный чтобы явить народу «государевых изменников» (для этой цели им на шею повесили доски с надписями их вины). Отсюда была видна почти вся страшная картина, разыгрывающаяся на площади.

Наконец, он заметил сына, влекомого чернорясниками к месту казни, и увидел все. И взмах топора. И голову, скатившуюся к краю помоста... Увидев это, он закрыл глаза и сознание его оставило.

Очнувшись, подумал, что уже в раю.

Было прохладно. Пахло ладаном и какими-то неведомыми душистыми ароматами. Затем увидел склонившееся над ним лицо жены. «Что, и тебя Аксиньюшка, изверги убили? – прошелестел губами. – Мы теперь вместе в райских чертогах? Где же сынок наш Гриша?»

На щеку его упали горячие слезы, что было странно для ангельского бытия.

Тут жена Аксинья Васильевна и рассказала ему все. Как она, узнав о казни, кинулась на площадь. Как опричники не хотели ее пропустить. Как народ на площади возроптал на царское душегубство, и царь, не окончив казни, спешно покинул площадь и заперся в Кремле. Как потом дьяк Щелканов огласил царскую милость: всех, кого еще казнить

не успели, царь помиловал и разрешил родственникам забрать их домой. И как, отыскав мужа бездыханным в арестантском возке, она упростила случившегося тут конного немчина отвести его к дому. Где его омыли и вызвали бабку-повитуху, которая при помощи своих мазей и притираний привела его в чувство.

Никифор Иванович, несмотря на зажившие раны, после перенесенных пыток ходить более не смог. А пуще всего не оставляла его печаль по убиенном на его глазах сыне. От каковой печали он скончался три месяца спустя, немного не дожив до рождения внука. Младенца хотели назвать в честь деда Никифором, но повитуха сказал, что с именем может передаться и судьба, а потому назвали его Никитой, то есть по-гречески «победителем».

Имя же отца его, невинно убиенного подъячего Григория, еще долго поминали во всех монастырях Русского государства по синодику грозного царя Ивана Васильевича. Но вряд ли это помогло правителю-душегубцу оправдаться перед Вышним судом за совершенные им столь страшные злодеяния.

Великое посольство

*Я берег покидал туманный Альбиона:
Казалось, он в волнах свинцовых утопал...*

К. Батюшков

Отца Никита не помнил. Первое воспоминание детства было, как матушка долго несла его куда-то, а вокруг было все черно и дымно, так что трудно дышать. Это крымский хан Дивлет-Гирей спалил Москву, брошенную на произвол судьбы совсем спятившим царем и его «кромешниками», разбежавшимися как тараканы.

Двор бабушки Аксины Васильевны выгорел дотла, сама бабушка задохнулась в дыму, силясь вынести из горящего дома иконы.

Слава Спасителю, крымцы в горящий город не пошли. Пограбили посады да повернули в степь.

Вдовицу с дитем приютил родной брат Иван Иванович, двор которого в Китай-городе каким-то чудом от пожара не пострадал. Так и остались они у него жить.

Иван Иванович служил в Посольском приказе подьячим. Чин не бог весть, но жалованье платили исправно, что в разоренной стране было большой удачей.

Дядя Иван был нрава строгого, но к племяннику относился ласково, баловал его, дарил иной раз печатные пряники.

ки, а когда Никита подрос, стал его учить разным премудростям – азбуке, счету, письму.

Обнаружив у юного племянника талант к языкам, Иван Иванович свел его с английскими торговыми людьми, нуждавшимися в переводчиках.

Англинцы проложили путь в России недавно, но уже успели прочно обосноваться. Царь выделил им подворье с каменными палатами, неподалеку от Кремля.

Торговать с Россией было выгодно. С каждым годом английских гостей приезжало все больше. Глядя на московитов, гости изрядно удивлялись их нравам и обычаям, сильно отличавшимся от европейских. Никита объяснял чужеземцам особенности русской жизни, а те учили его своему языку, так что скоро он начал говорить по-ихнему довольно бойко.

Зимой 1584 года над только-только оправившимся от разорения городом появилось пугающее знамение в виде огненного креста. Наиболее суеверные или слабонервные поспешили съехать из Москвы в окрестные города или села, но зловещее знамение было видно и там. Поползли слухи о новом нашествии иноплеменных, страшнее прежнего.

Паче чаяния ничего страшного не случилось. Скорее наоборот. Рано по весне преставился царь Иван Васильевич. На трон взошел его сын Федор Иоаннович, государь тихий и богомольный.

При новом государе в большую силу вошел Борис Федорович Годунов, проявлявший сугубую заботу о государ-

ственном устройении и развитии торговли.

Иностранцы звали Годунова «правителем», поскольку царь Федор, тяготившийся государственными обязанностями, все важные дела, военные и гражданские, препоручил в его руки. И не прогадал. Годунов использовал предоставленную ему великую власть во благо разоренному государству и на пользу народу.

В 1595 году он подписал договор со шведами, покончив неудачную трехлетнюю войну. Его попечением на Руси вырастали города, строились крепости, храмы. Учреждено Патриаршество, прекратилась зависимость русской церкви от Константинополя. Борис окружил русскую столицу внешней крепостной стеной, опоясывающей Белый город, а в самом городе построил первый водопровод. Это сделало Москву неприступной твердыней, о которую вскоре сломает зубы крымский хан Казы-Гирей.

Дядя Иван Иванович скорого к учению племянника пристроил в младшие подьячие. Никита выучился читать и писать по-ляшски и по-свейски, что весьма пригодилось ему на государевой службе.

В те поры правитель Борис Федорович (на самом деле носивший титул «царского слуги») приискивал воспитателей и учителей для своего сына Федора, и поручил Никите обучать юного Федора Борисовича языкам и географии.

Федору полюбился молодой учитель, который, в отличие от взрослых и строгих дядек, с ним и шутил, и играл.

Правда вскоре судьба обоих, и учителя, и ученика, переменилась. По смерти царя Федора Ивановича престол занял всенародно избранный Борис Годунов, а девятилетний сын его Федор Борисович был объявлен наследником и соправителем. Мальчику приходилось делить с отцом обременительные царские обязанности. У него даже была собственная государственная печать. Так что на игры и учение времени оставалось мало. К тому же и Никита, наконец, обзавелся семьей, женившись на сосватанной дядей девице Марье Антоновне, дочери служилого дворянина.

А вскоре учителя и ученика разлучила необходимость.

В 1600 году государь, видя большие выгоды для государства от торговли, пожелал укрепить торговые связи с Английским королевством. Да и не только торговые... И для сей потребы затеял направить к берегам Альбиона Великое посольство. Главой посольства назначен был дворянин Григорий Микулин, в помощь которому (а более для догляду за своенравным дворянином) царь отрядил дядю, Ивана Ивановича. А тот пожелал взять с собой Никиту, поднаторевшего в английском языке и обычаях. При Великом посольстве состояли также несколько подьячих Посольского приказа, толмачи и переводчики. А также священник: не оставаться же царским людям в чужой земле без духовного окормления?

После бездарно проигранной Иваном IV шведской компании, исконно русские земли у Балтийских берегов были

захвачены ляхами и свеями, которые наглухо перекрыли доступ России в Европу. Царь Борис видел, что оказавшееся в изоляции Московское царство отставало от Запада в экономическом и культурном развитии, остро нуждалось в технологиях, учителях и промышленных товарах. С другой стороны, Россия обладала уникальными богатствами, – медом, пенькой, пушниной, которая в те времена считалась главной конвертируемой валютой. Положение могла исправить обоюдовыгодная торговля. Но на торговых путях засели поляки и шведы. А для того, чтобы успешно воевать с ними, опять же требовались порох, оружие, военные специалисты...

Надо сказать, враждебные соседи не дураки были, понимали: стоит России получить доступ к западным технологиям, их балтийское господство вскоре закончится. Поэтому всячески препятствовали контактам русского царя с другими державами. Польский король Сигизмунд в письме к английской королеве пугал ее опасностью, которая проистечет, если Россия «чрезвычайно преуспеет в образовании и в вооружении» через установление регулярных сношений с Западом. «Казалось, мы доселе побеждали его (русского царя) только в том, что он был невежествен в художествах и не знаком с политикой», – не стесняясь в выражениях, писал Сигизмунд.

Получался замкнутый круг: чтобы преодолеть отставание, требуется выбить поляков и шведов с балтийских берегов,

а для этого нужно сначала преодолеть отставание.

Мудрый правитель Борис Годунов придумал, как этот круг разорвать.

Нужно было убедить английскую королеву, что далекая Россия не представляет никакой угрозы для ее государства. Зато торговля с Россией для Англии весьма выгодна.

Но как через польско-шведскую блокаду добраться до Англии?

Так ведь сами англичане незадолго до того проложили морской путь в Россию. В обход Балтики – через Белое море, через Архангельск. Вот через эту лазейку и намеревался государь направить в Англию русское посольство.

Собственных кораблей у России не было. Договорились, что посольство будет доставлено в Англию на английских торговых судах. Небольших, но крепких и юрких.

В начале июля 1600 года Великое посольство прибыло в Архангельск, где на тот момент было в наличии только два корабля. На них всему посольству, со скарбом и подарками, не уместиться. Пришлось дожидаться, когда придут еще одиннадцать. Только в середине августа флотилия из чертовой дюжины кораблей вышла в открытое море, держа курс к далеким английским берегам. Нехорошее число не сказалось, однако, на успехе плавания. Не исключено, из-за отсутствия на кораблях женского пола, что английские мореходы считали более зловещим предзнаменованием.

Противный ветер замедлил плавание, но, держась сна-

чала датского (норвежского) берега, а потом шотландского, на тридцать третий день пути путешественники увидели перед собой белые английские скалы, похожие на стены неприступной крепости. На небольшом боте к главному судну флотилии подплыл коренастый англичанин с красным лицом и дымящей трубкой во рту, лоцман, который осторожно и неспешно провел флотилию между опасных отмелей и подводных камней в устье Темзы, к городу Гревзенду.

Никита с интересом разглядывал Лунду, над которой возвышался каменный Вышгород

Англичане, показывая свое расположение к России, встретили посольство торжественно. На набережной Гревзанда посланника и его людей приветствовал «того города приказный человек и с ним посадских людей человек двести». Под звуки пушечной пальбы с крепости и кораблей Великое посольство препроводили в англинский стольный град Лунду, к отведенному московитам подворью.

Никита с интересом разглядывал Лунду, над которой возвышался каменный Вышгород (Тауэр), а вокруг красивые дома, сплошь каменные, да через реку Темзь меж посадов был переброшен большой каменный же мост, и прямо на том мосту устроены дома каменные и лавки, и торг великий устроен со всякими товарами.

Подворье посольству отвели удобное и просторное. Королева прислала своего повара и из казны своей всякой серебряной посуды, чтобы посланнику и его свите не было ни в чем недостатка. Однако посол Микулин был недоволен: его представление королеве все откладывалось.

Наконец, англичане объявили, что аудиенция состоится 14 октября. Собрав своих людей, Микулин сделал им строгое внушение: на чудную царь-девицу и ее бояр не пялиться, стоять безгласно, потупя взор, а буде кто из англичан обратится, почтительно кланяться и говорить, что они всем премного довольны.

Англичанам Микулин передал грамоту с подробными инструкциями, как они должны встречать посланника русского

государя, чтобы не допустить царской чести никакого урона. На приеме не должно быть никаких послов других государств, а королева должна выслушать приветствие от русского царя стоя. Англичане переглянулись, но условия приняли.

Прием у королевы был великолепен.

В сводчатых просторных покоях, украшенных искусной резьбой и раззолоченной рухлядью⁶ возвышался богато украшенный трон под расшитым балдахином. На троне, блистая золотом и жемчугами, восседала сама царь-девица. Лицо ее было бело, а губы и щеки карминные. Разглядев поближе, Никита заметил, что, несмотря на наряд, более приличный молодой девице, на самом деле королева стара, но пытается молодиться.

Впрочем, диковинная царь-девица и не могла быть молодой: дядя Иван сказывал, что еще покойный Иоанн Васильевич к ней сватов засылал, а с тех пор уж два царя на Руси сменились.

Выслушав приветственные речи русского посла стоя, королева поклонилась и спросила о здоровье государя и о здоровье великой государыни царицы и великой княгини Марьи Григорьевны, про царевича Феодора Борисовича, и, наконец, с подобающим почтением приняла из рук посла «верящую грамоту».

В ответной речи королева выразила свою искреннюю радость, что Борис Федорович, который и прежде был всегда

---

⁶ Мебелью.

милостив к ее подданным, вступил на престол единогласным решением всей русской земли.

Ее величество приняла от посланника писанный текст сказанных им речей

Затем королева позвала к руке посла Микулина и подъячего Ивана Ивановича, приняла и похвалила преподнесенные ими «поминки» – сорок четыре отборных соболя. Пригласив Микулина сесть, расспрашивала о путешествии. Наконец ее величество приняла от посланника писанный текст сказанных им речей и обещала дать Микулину возможность совещаться про иные дела с ее советниками. Передав царскую грамоту и наказные речи ближнему секретарю сэру Роберту Сыселю, королева отпустила посланника.

«Прикушав» овощей и вина в одной из зал дворца, Микулин со свитой вернулся на свое подворье, сопровождаемый

князем Еремеем Боусом и «лучшим альдерманом» сержантом Гартон.

Жизнь Великого посольства в Лунде была обустроена со всевозможным удобством. Англичане всячески высказывали свое расположение и устраивали разные увеселения.

Как-то королева прислала на посольское подворье с князем Иваном Стафардом оленя, которого сама застрелила на охоте. Никите показалось удивительным, как это такая пожилая дама (ей было тогда 68 лет) выезжает на охоту и изрядно владеет оружием.

Другой раз Никита удостоился лицезреть настоящее рыцарское ристалище, устроенное в честь годовщины вступления Елизаветы на престол. В присутствии государыни и ее двора, а также простых жителей города на огороженном поле, украшенном флагами и цветами, «билися – съезжались меж себя князи и боярские дети и дворяне в полных доспехах, верхами», – с восторгом записал Никита в своем дневнике.

Но более удивил Никиту другой английский обычай. Благородные господа собирались, чтобы посмотреть, как быются между собою «сам на сам» люди подлого звания – портовые грузчики, матросы или кузнецы. Обычно такие поединки проходили где-нибудь на пустыре, а иногда какой-нибудь местный боярин предоставлял для этого место в своем саду, не препятствуя проникновению туда помимо приглашенных особ также и черни, которая криками и улюлюканьем под-

бадривала бойцов.

На победителя обыкновенно делаются ставки, порой довольно крупные. Потому за боем наблюдают с пристрастием, и частенько знатные господа кричат и машут руками совершенно несообразно своему званию. Для того чтобы избежать споров относительно победителя, на земле заранее очерчивают четверик, в который встают бойцы, а прежде, чем они встанут, начинать нельзя. Публике запрещается находиться внутри или вблизи четверика. Чтобы излишне ретивые зеваки не заслоняли зрелища, вокруг, на некотором расстоянии, натягивают веревку на вбитых колышках. А победителя определяет избранный из присутствующих судья. Самое удивительное, что благородные не гнушаются выходить на бой с простолюдинами под одобрительные крики толпы и избивать свою жертву самым жестоким образом.

Однажды Никита видел, как маркиз Уинчестер бился с грузчиком по прозвищу Медведь Билли, который был его в полтора раза выше и толще, но из этого сражения сухопарый маркиз вышел победителем.

Медведь, о котором говорили, что он не проиграл еще ни одного сражения, надвинувшись на маркиза всем своим дюжим телом, стал махать огромными кулачищами. Субтильный маркиз ловко уворачивался от его кулаков, выжидая, когда противник по инерции продвинется вперед, обнажив незащищенную шею или бока. И тогда наносил удары в самые уязвимые места, заставляя гиганта вскрикивать и из-

виваться. Закончилось тем, что Медведь Билли повалился на землю с перебитым носом, из которого фонтаном лилась кровь, и не смог встать – приятели увезли его на садовой тачке под улюлюканье толпы. Маркиз же отделавшийся подбитым глазом и огромным синяком в правом предплечье, раскланялся публике под одобрительные крики.

«Значит, телесная сила и размер кулаков – не главное, – сделал вывод Никита, – а важнее всего умение и владение приемами».

Впечатленный увиденным, он попросил англичан обучить его секретам рукопашного боя и взял несколько уроков у присланного к нему учителя по имени Олифант, бывшего кожевника.

Учитель, перво-наперво, научил Никиту уклоняться от прямых ударов соперника и держать правильную стойку – прямо, на слегка расставленных ногах, правая рука прикрывает живот, а левая – на уровне рта. Вторым предметом обучения стало искусство наносить неожиданные ответные удары, например, рубящий удар открытой рукой по затылку сверху вниз, так называемый «удар кролика». А затем Олифант со знанием дела показал, в какие места нужно наносить удары, чтобы наверняка вывести противника из строя, а то и отправить его в глубокий нокаут⁷.

Свою науку англичанин преподносил в практической

---

⁷ Такой эффект дают, например, удары в солнечное сплетение и в нижние незащищенные ребра.

форме, нещадно лущуя своего ученика. В конце концов, изрядно побитый Никита счел полученные знания достаточными, и, щедро заплатив Олифанту, отпустил его с Богом.

Благородные не гнушаются выходить на бой с простолюдинами под одобрительные крики толпы

Между тем, переговоры с англичанами шли вяло, постоянно тормозились из-за незначительных причин, или откладывались. Советники королевы осторожничали, не желая связывать себя обязательствами.

Это раздражало Микулина, который показал себя человеком заносчивым и крутого нрава. Главной заботой его было, чтобы вследствие несоблюдения какого-нибудь даже мелочного правила этикета, не умалилась честь государства. Однажды Микулин получил приглашение отобедать у лорд-мэра

Лондона, но не соглашался сесть за столом ниже лорд-мэра, а тот не соглашался уступить ему первое, хозяйское, место. В конце концов Микулин на обед так и не поехал.

Хотя формально задачей посольства считалось вручение английской королеве официальных документов («верющих грамот») от нового царя Бориса, настоящей целью было склонить Англию к союзу против турок. Григорий Микулин должен был выведать все, что касалось взаимоотношений Великобритании и султана и о политических планах Лондонского двора.

В наказе, данном Микулину, говорилось: «И учнут говорить послы папины, цесаря и испанскаго и францовскаго короля, хочет ли великий государь быть с их государями в любви и соединении против турецкаго стоять заодно, ответствуй, что как прежь сего великий государь о том радел и помышлял, чтобы все государи крестьянские были меж себя в любви и соединении, а ныне и наипаче того хочет, чтобы все великие государи крестьянские... стояли на бесерман за один». Правда, мечта встретить при дворе английской королевы послов испанских, французских, цесарских и прочих католических величеств оказалась утопичной: всего полтора года назад Англии только с Божьей помощью удалось предотвратить вторжение испанской «Великой Армады», да и вообще протестантская королева расценивала католиков как своих личных врагов и врагов своего государства.

Пребывание в Лунде было наполнено не одними только приемами и посольскою рутиною. Пришлось Никите стать свидетелем и по-настоящему опасных событий.

Однажды, проснувшись поутру, он услышал за окном выстрелы, а затем увидел, что на улице полно вооруженных людей.

Встревоженный происходящим, он спустился вниз, в трапезный покой, где застал Микулина и нескольких членов посольства пребывающими в недоумении. Капитан Боур, который отвечал в тот день за охрану посольства, доложил, что молодой родственник и любимец королевы граф Эссекс попытался поднять против нее мятеж, опираясь на ирландских и английских католиков. Микулин поспешил направить королеве послание, в котором сообщал, что он и его люди готовы выступить в защиту ее величества. Немедленно собрали отряд из четырнадцати добровольцев, в полном боевом облачении, которые должны были отправиться вместе с Боуром к королеве в ее замок, остальным Микулин приказал забаррикадироваться в посольском дворе, приготовившись к бою с мятежниками.

Слава Богу, до этого не дошло.

По приказу королевы город был заперт около двух недель, многие улицы перекрыты цепями, а «граждане ходили в доспехах с пищальми, остерегаячи королеву и опасаячись от иных окрестных государств Эксетскому вспоможения, потому что он в Англицкой земле и в иных государствах славен

был и любим».

Вскоре верные Елизавет-королевне бояре и воинские люди подавили мятеж, а Эссекс и его сообщники были казнены. Королева письменно поблагодарила царского посла за поддержку и готовность оказать помощь «против тех волнованных».

В середине мая, после прощальной церемонии во дворце, во время которой Елизавета вручила Микулину ответную грамоту для русского государя, Великое посольство покинуло гостеприимную английскую столицу и отправилось, все так же на торговых кораблях, в обратный путь, держа курс на Архангельск.

Жизнь за царя

*Воззря на тьму неистовств сих,
На страшны действия людские,
На гнусность дел и мыслей их,
На их сердца и души злые,
Я человечества страшусь;
Сам человек, себя боюсь,
И тени страшны мне людские.*

И. Хемницер

В гостях хорошо, а дома лучше.

Жена Марья Антоновна и матушка встретили путешественников хлебом-солью да горячими пирогами.

Порадовался Никита тому, как украсилась Москва за недолгий срок, пока его не было. В небо над царским городом вознесся белокаменный перст небывалой колокольни. Подобных зданий Никита не встречал даже в благоустроенной Англицкой земле. Колокольня увенчана золотой главой, а ниже, под самым куполом, в три яруса вьется видная с любого конца столицы торжественная надпись: «Изволением святыя Троицы повелением великого государя царя и великого князя Бориса Федоровича всея Руси самодержца и сына его благоверного великого государя царевича князя Федора Борисовича всея Руси сий храм совершен и позлащен во второе лето государства их».

Погода только не баловала — что ни день дождь. Земля раскисла, на улицах грязь, конюхи с ног сбились выездных лошадей чистить, а дворня — сапоги да одежду.

Обняв матушку, жену и сына Димитрия, Никита поспешил во дворец, провести своего царственного ученика, передать ему обещанные географические карты, которые по его заказу приобрел в Англии. Федор принял его милостиво, но не дружески, как прежде, а церемонно, как подобает государю великой державы. Во взгляде царевича Никита уловил озабоченность и серьезность, несвойственную юному возрасту.

Федор подробно расспрашивал об Англии, об обычаях тамошнего народа, чем они схожи и не схожи с русскими, да как устроена придворная жизнь. Никита докладывал обстоятельно, примечая, как в глазах царевича разгорается живой интерес, как в прежние времена.

В конце разговора юноша вынул из сундука большой свиток, и, развернув его на полу, сказал: «А ну-ка взгляни, Никита Андреевич, все ли я правильно изобразил?» Опустившись на колени над свитком, Никита увидел большой чертеж Русской земли, собственноручно вычерченный царевичем по всем правилам географической науки. Так Федор дал понять, что уроки, данные ему Никитой, не прошли даром, и что он в совершенстве постиг искусство картографии.

Увы, учительствовать Никите более не пришлось: к царевичу теперь были приставлены другие, более родовитые

учители. Теперь за близость к трону боролись между собой нешуточные люди, тягаться с которыми Никите Печерину было не по роду и не по чину.

По делам службы Никите приходилось сопровождать прибывающих ко двору приезжих иностранцев и приглядывать за ними. Еще в марте, опередив возвращение посольства, в Москву прибыл английский аптекарь Джеймс Френшем с несколькими коробами аптекарских приборов, снадобий и письмом от самой Елисавет-королевы, которая, извиняясь за изгнанного от царского двора врача Вилиса⁸, обещала государю Борису Федоровичу: «и для исправления сего Мы объявляем Вам, будет есть кто из наших подданных, которые к Вашего Величества делу годны, и они всегда готовы к Вашей службе; и прошаем у Вашего Величества, чтоб милостивое рассуждение было про такую (какую либо с их стороны) легкую проступку, полагаячи на то, что те люди не знают чина Вашия земли». А вслед за Френшемом в Москву стали прибывать и другие, пользуясь разрешением королевы беспрепятственно выезжать в Россию. В Москву ехали купцы, врачи, промышленники, военные, ученые люди. Они получали должности, хорошее жалование, земли с крестьянами. Так была прорвана польско-шведская блокада и западные технологии и знания потекли в Россию. Изучив «мемо-

---

⁸ Вилис (Willis) – английский врач, прибывший к царскому двору годом ранее, но не прошедший испытание, учиненное ему думным дьяком Василием Щелкаловым и вскоре покинувший Москву.

рию», составленную Иваном Ивановичем совместно с Никитой, царь Борис даже собирался учредить в Москве первый Университет, по образцу английских, и приказал направить одаренных молодых людей во Францию, Англию и Австрию, чтобы те набрались опыта в преподавании⁹.

Продлись разумное и попечительное царствование мудрого государя Бориса Федоровича и сына его Федора Борисовича еще хотя бы лет десять-пятнадцать, Московское государство догнало бы Европу в своем развитии и изгнало бы ляшских и свейских оккупантов с исконных русских земель. В союзе с Англией Московия сделалась бы мощной силой на всем континенте. А там, глядишь, и султана турецкого на место поставили бы.

Увы, судьбе было угодно распорядиться иначе.

В дело вступили неведомые и неподвластные даже великим земным правителям силы.

Пока Никита был в городе Лунде, на другом конце земли, в Андах, проснулся могучий вулкан, называемый местными племенами Уайнапутина. 19 февраля 1600 года из жерла вулкана в небо взметнулся столб черного дыма, заслонивший самое солнце. Пар и пепел, выброшенные вулканом, затмили небо, так что Божье светило не могло согреть землю своими живительными лучами. На всей земле наступила сту-

---

⁹ Увы, вследствие горестных событий в России, вскоре воспоследствовавших, эти посланцы, выучившись, предпочли на родину не возвращаться, и нашли применение своим талантам в просвещенной Европе.

жа. Сегодня это назвали бы «вулканической зимой». Европа замерзала. Названный викингами «зеленой землей» остров Гренландия превратился в сплошной ледник. Жители этого прежде благодатного края частью умерли от голода, частью бежали за море на чем придется.

До России похолодание добралось позже. В июле, когда Никита вернулся домой, шли затяжные дожди, а потом, когда пришло время сбора урожая, после Успеньева дня¹⁰, ударили морозы. В некоторых местах уже на Семен день¹¹ выпал «снег великой», а вскоре – когда такое бывало? – встала Москва-река. На замерзшей реке устроили ярмарку. Ярмарочные балаганы так и простояли на льду едва не полгода. Самое же страшное было, что, как выразился летописец тех горестных времен, «поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полях». Неурочные холода сожгли прямо на корню не успевший вызреть из-за дождливого лета урожай. Осенью крестьяне, как обычно, посеяли озимый хлеб, но весной грозные удары природы повторились, и замороженное зерно не взошло. Тогда «зяблый хлеб» стали выкапывать из земли, чтобы прокормиться хотя бы им. Надеялись на следующее лето 1602 года, но удар стихии повторился, оставив беззащитными сотни тысяч земледельцев. В разных концах Московского царства доведенные до крайности крестьяне поднимали бунты, сбивались в шайки, которые рис-

---

¹⁰ 15 августа.

¹¹ 1 сентября.

кали по всей стране в поисках пропитания, занимаясь разбоем и грабежом. Дошло до того, что вооруженные банды бунтовщиков под водительством некоего Хлопка Косолапа разоряли и жгли села и городки близь Москвы и грозили напасть на саму столицу!

Матушка Ирина Ивановна, возвратясь с торго, причитала:

– Статочное ли дело, хлеб вздорожал впятеро! Сказывают люди, в деревне голод. Говорят, что уже и собак, прости господи, переловили да съели. А еще сказывают, – матушка, опасливо перекрестившись, перешла на шепот, – будто на постоянных дворах убивают приезжих, а на рынке торгуют пирогами с человеческим мясом!

– Одна дура на базаре брякнула, а ты за ней повторяешь! – рассердился Иван Иванович. – Ты бы лучше, сестрица, таких слов не слушала, да не говорила, а то неровен час услышит кто, да потянут тебя на съезжую, к боярину Семену Никитичу... Живем, слава Богу, не впроголодь. Государь жалованьем не обижает.

– Мы-то да, грех жаловаться, – встряла в разговор Марья Антоновна. – Но народ ведь страдает... Вам, Иван Иванович, из приказных палат, может не видно...

– Эх, бабы вы, бабы, – посетовал Иван Иванович с укоризной. – Думаете, государь о народе своем не радует? Только народ-то больно жадный у нас. Зовутся христьянами, а поступают аки Каины. Мне из приказных-то палат это ль не ви-

дать? Ну, сами посудите: государь из собственных денег повелел раздавать нуждающимся. И что? Те упыри, видя, что народ платит, еще больше цены вздрали. А казна-то государева, я чай, не бездонная!

– А еще, братец, – тут Ирина Ивановна понизила голос, опасливо озираясь, – говорят, будто это кара Господня за убиение законного наследника царевича Дмитрия.

– Да ты что такое мелешь, сестрица! – возмутился Иван Иванович. – И от кого ты такое слышала?

– Да вот, Антип, конюх нынче сказывал.

– Антип, говоришь... – почесал бороду Иван Иванович и взялся за звонок, малый колоколец, привезенный из Англицкой земли (удобная штука, чтобы слуг звать).

– Позови-ка мне конюха, братец, – приказал явившемуся на звук колокольчика комнатному мальчишке. – Пусть в присутственную придет.

Войдя в присутственную, небольшую комнату, служившую хозяину рабочим кабинетом, Антип увидел обоих хозяев, старого и молодого, Ивана Ивановича и Никиту Григорыча. Иван Иванович сидел на кресле, повернутом от стола. Никита пристроился на сундуке, где хранились книги.

– Звал, хозяин? – спросил Антип, отвесив поясной поклон. – Запрягать прикажешь?

– Запрягать? Нет, я тебя для другой надобности позвал. Перескажи-ка мне, братец, что на торжище люди говорят, на что жалуются.

– Да как не жаловаться, кормилец? Цены-то на хлеб как возросли – не укупишь! Никогда такого не было!

– Так ведь запретил государь подымать цену выше пяти копеек.

– То мне не ведомо, хозяин. А только по пяти копеек поди купи! Торговцы весь товар попрятали, говорят, нету. А кто гривенник предложит – тому из-под полы продают.

– Да... – почесал бороду Иван Иванович. – Ну, это здесь, в городе. Наверно, в деревне-то полегче, там свое все. Говорят, у тебя кум из деревни. Что рассказывает?

– Да что ты, барин! В деревне совсем лихо. Второй год ничего не уродилось, даже овес. Кум сказывал, припасы все приели. Скотину порезали, кормить нечем. А впереди – зима. Кто поплоче, да детей побольше, да вдовам – тем мир посильно помогает, но и миром нужного припаса не собрать. Детки плачут, голодные. Старики готовы руки на себя наложить, чтобы не быть обузой, да греха боятся. Кум говорит, до весны не все доживут. Сказывают люди, что это казнь Господня.

– Казнь Господня? – не удержался Никита, – это за что же?

– По Писанию семь голодных лет послал Господь за грехи царя египетского, так и нам...

– Тот царь египетский был нечестивец, – прервал его Иван Иванович, – а наш государь православный, Богом избранный.

– То-то и оно, что Борис – не природный государь! Фе-

дор Иванович – тот был, хотя и малахольный, зато законный, родной сын Ивана Васильевича. За ним должен быть другой сын, Димитрий Иванович. А только его, – конюх посмотрел на дверь и стал говорить совсем тихо, – его, Димитрия-то, во младенчестве закололи ножом! А сделали это по наущению Бориса Федоровича. Через то он и стал царем. Через убийство, стало быть. А убийство – смертный грех. Вот Господь и наслал на нас казни. То были казни египетские, а нынче – казни московские, так-то...

– Да ты что несешь? – воскликнул в сердцах Иван Иванович. – Да за такие слова...

– Не гневайся, батюшка барин, я ведь как на духу пред тобою, как в церкви Божьей на исповеди – бухнулся в ноги перепуганный Антип, – что слышал, то и пересказываю.

– Не его это слова, – сказал Никита, – Где ему скудным умом до такого додуматься? Скажи-ка мне, братец, от кого ты таких речей набрался?

– Так от кума! У меня на рынке в рыбном ряду кум. Он и растолковал.

– На рынке, говоришь? – спросил Иван Иванович, недобро прищурившись. – На рынке люди разное брешут. То на них грех. На всякой роток не накинешь платок. Но ты то! Ты ж не всякому слову верь. А кто брехню разносит – тот сам на себя беду накликает! По Писанию ложное свидетельство – не меньше смертный грех, чем убийство. И разносить слово ложное тоже грех. Уразумел?

– Как не уразуметь, милостивец, как не уразуметь! – запричитал Антип. – А только, кум сказывал, что слова эти, про казни-то московские, у них на торге в кабаке говорил некий земский ярыжка.

– Ярыжка, говоришь, – спросил Никита, – и какого Приказа?

– Того кум не сказывал, да и где ему различать, какого кто Приказу? Говорит, ярыжка то был, а какого Приказу... Бог весть. Человек государственный, как ему не верить? Да и, видно, денежный. Кум говорил, что приходил тот ярыжка не раз, и угощал всех водкою. Прикащиков, сидельцев лавочных и иных, кто там случался.

Гусиное перо, которое Иван Иванович теребил в руках, – была у него такая привычка, когда нервничал, – с треском разломилось пополам. Бросив выразительный взгляд на Никиту, Иван Иванович отрицательно мотнул крупной головой.

Взяв, наконец, себя в руки, он сказал распростертому на полу холопу:

– За честность хвалю. Но если твой язык еще повернется слова хульные на великого государя говорить, вырву его вот этой самой рукой. Все, ступай.

– Ведь это измена! – сказал Никита, когда за конюхом закрылась дверь.

– Измена, – горестно кивнул Иван Иванович, и, подумав, добавил. – Зря великий государь послабление сделал рома-

новской братии. Казнить бы их за их злоумышления! Не иначе, это они, адское семя, народ против государя подстрекают. Ты вот что, Никита, поезжай к боярину Семену Годунову. Надо государя предупредить.

— Поеду, коль прикажешь, дядюшка, — отозвался Никита, — только для такого серьезного обвинения нужны доказательства. А какие у нас улики, кроме слов конюха? По указу государеву нас самих за ложный навет в сыск потянут, а то и в измене обвинят. Конюх-то наш.

— Да, ты прав, — ответил Иван Иванович. — Но как тогда быть?

— Самим добыть доказательства. Поеду-ка я на торг. Антип укажет, где найти кума, а у того дознаюсь про ярыжку. Вот тогда можно и к Семену Никитичу.

— Ну, делай, как знаешь, — согласился Иван Иванович.

— Вот он, — опасливо ткнул пальцем Антипов кум в окно возка, наполовину завешенное кожаным запонком.

— Вон тот сморчок, что ли? — Никита, осторожно отодвинув запон, выглянул наружу.

— Он это, точно, ярыжка земский. Вишь, чернильница на поясе.

— Ох, смотри! Коли врешь...

— Что ты, что ты, батюшка, — пролепетал рыботорговец, испуганно вжавшись в сафьяновые подушки.

Плюгавый человечек в суконном колпаке, вышедший из кружала, зыркнув вокруг глазами, направился вверх по улице, вдоль покосившегося палисадника. Никита, выпрыгнув с другой стороны возка, двинулся за ним. Плюгавый шел не быстро, время от времени останавливался и озирался. Народу в этот час на улице было немного. Завернув за угол, ярыжка юркнул в подворотню.

Никита эти места знал сызмальства. Здесь обосновались английские торговые люди. За подворотней с одной стороны тянулась высокая монастырская стена, а по другой стороне – лабазы. Свернуть негде.

Никита решил не гнаться за вражиной по пустынному переулку, а обойти с фланга и встретить с другой стороны, используя элемент внезапности.

Позади лабазов тянулся небольшой овражек, скорее даже промоина в глинистом грунте. На склоне овражка заморские гости разбили огороды, где выращивали разные диковинные овощи и травы. Проникнув туда через неприметную калитку, Никита припустил бегом вдоль огородов – спасибо, англичанцы устроили здесь ровную дорожку, усыпанную тертым кирпичом, – и, запыхавшись, вылетел на задворки часовенки, выходявшей на поперечную улицу. «Успел», – подумал он, едва не налетев на темную фигуру в колпаке, вывернувшуюся из-за угла. Недолго думая, разгоряченный бегом Никита заехал незнакомцу по уху. Тот вскрикнул и стал отбиваться, чем еще более раззадорил преследователя. Никита

вспомнил науку Олифантову: встал в стойку, поднял кулаки, и стал методично дубасить супостата в самыеязвимые места, уклоняясь от неуклюжих встречных ударов. Вскоре его оппонент прекратил сопротивляться и рухнул на землю точно куль с зерном. Что дальше? Тащить вражину на себе через весь овраг и через улицу, мимо кружала, где его ношей могут заинтересоваться? Минуту подумав, принял другое решение.

Туго связав пленника кушаком и засунув ему в рот рукавицу, Никита оттащил его в темный угол позади часовни и завернул в найденную тут же рогожу. А сам налегке поспешил обратным путем через английские огороды к своему возку. Кучеру сказал гнать что есть мочи, – не ровен час изменник сбежит.

Однако, Бог милостив, связанный пленник был на месте. Подняв его за руки и ноги, запихали в возок, как есть в рогоже.

– В сыскной приказ, – скомандовал Никита.

Не без опаски приближался он ко двору Семена Никитича Годунова, которого за глаза называли «правым ухом царя».

Бывший окольничий, а ныне боярин, Семен Никитич был троюродный брат государя и глава сыскного приказа. Имя его, прежде неизвестное, теперь вызывало трепет, а после учиненной им расправы над врагами государя даже в боярских домах произносили его шепотом.

Поговаривали, что на двор Семена Никитича попасть легко, а выйти трудно. Однако и войти оказалось не так-то просто: прочные дубовые ворота перегораживала рогатка под охраной четверых стрельцов. Только выкрикнутые слова «Дело государево!» заставили стрельцов отвернуть рогатку и пропустить повозку на двор в сопровождении одного из стражей.

Семен Никитич принял Никиту в рабочем покое, заваленном допросными листами. Несмотря на усталый вид, взглянул на нежданного гостя с интересом. Сказал:

– Не часто к нам сами заходят. Обычно попадают сюда против желания. А ты сам явился. Да еще какую-то мавпу¹² в рогоже приволок. Надеюсь, имеешь сказать нечто важное. А то я, знаешь ли, человек занятой. Ну?

– Челом бью, боярин, – отвечал Никита, отвесив страшному человеку земной поклон.

И, указав на своего пленника, все еще облаченного в рогожное корзно, продолжил:

– Вот этот по кабакам хулы на государя Бориса Федоровича возводил, народ смутянил. У меня и свидетель есть, торговец рыбного ряда. В возке сидит.

– Торговца, конечно, допросим. Потом. Я вижу, ты человек благородный, мне твоего слова достаточно. Ну, яви злодея. Посмотрим.

Никита склонился над телом, распростертым на полу, от-

---

¹² Мавпа (укр.) – обезьяна.

кинул рогожу... и не поверил своим глазам. На полу лежал... дьячок. В скуфейке, которую Никита в горячах принял за колпак, в ветхом подряснике.

– Ты что творишь, басурман! – гнусаво запричитал слушатель церкви, как только Никита вынул у него изо рта рукавицу. – Разве есть такой закон, чтобы людей на улице хватать и избивать?

– Прости, святой отец, обознался, – пролепетал Никита, и, порывшись в кармане, протянул страдальцу увесистую серебряную монету – на вот тебе ефимок, голубчик. Простишь ли мне невольное прегрешение?

– Невольное! – возмущался побитый дьячок, – отделал как на Масленицу!

Но монету взял и, попробовав на зуб и осмотрев, продолжил: – Ох! Отродясь столько денег в руках не держал... Ну, Христос тоже побиваем был. Господь терпел – и нам велел. Ибо страданием грех искупляется. Прощаю, так и быть.

И совершил крестное знамение. Правда, когда Никита приблизился поцеловать благословляющую руку, инстинктивно отшатнулся, как бы в ожидании удара.

Семен Никитич наблюдал эту сцену, пряча улыбку в усы.

– Ну, полно, полно, – сказал он наконец, – Эй, караульный! Проводи этого до ворот.

А затем обратил пристальный взор на обескураженного Никиту.

– А ну, стой! Вроде где-то я тебя видел. Да ты не учитель ли молодого государя Федор Борисовича? Не Ивана Ивановича ли Зиновьева племянник?

– Так и есть, боярине. Никита Григорьев Печорин, таково мое прозвание. Посольского приказа младший подьячий.

– То-то я смотрю...

Боярин погрузился в размышления, будто забыв про Никиту. Тот стоял перед всемогущим начальником сыска ни жив, ни мертв, ожидая своей участи.

– Ловок ты братец, – прервал, наконец, зловещую тишину боярин. – Не по чину ловок... Что о крамоле хотел донести, ценю. Ну, обознался, с кем не бывает. Но намерение твоё похвальное. Другой бы смолчал... Да ты присядь, что стоишь столпом. В ногах правды нет...

Есть у меня к тебе предложение, парень. Нужны нам такие, приметливые, неробкие... Эх, были б у меня все как ты, мы бы этих смутьянов как морковь из грядки повыдергали. Вот я тебя и спрашиваю: а не хочешь ли ещё государю послужить?

– Государю служить почитаю за честь, – ответил Никита, пожившись под пытливым взглядом боярина.

– Хорошо! Слышал, какие разговоры про государя в народе ходят?

– Избави меня Бог такое слушать! – вскинулся Никита.

– Экой ты горячий! А только... Ты не будешь крамольных слов слушать, я не буду... А другой послушает. Да поверит.

И многие верят. Всегда, во всякие времена сыщутся недовольные властью. Кого чином обошли, кому мзду несправедливую не дали взимать, кому суд не в его пользу решение вынес. Много кто на власть в обиде. А наипаче теперь, когда из-за недорода люди повсеместно голодают, когда ни хлеба, ни иной снеди купить невозможно... разбойники на дорогах шалют... Люди в сердцах недовольство выражают. Их можно понять. Государь Борис Федорович их беды знает, у него за них сердце болит. Но и у государя есть враги. И свои, и чужие. Да и свои есть, еще хуже... Они это недовольство используют. Против законного властителя народ возбуждают, чтобы царство Московское ослабить, а если придется, так и в свою власть его взять.

– И много ль таких злоумышленников?

– Ты даже не представляешь, сколько... Они как гидра многоглавая: одну голову отсечешь, глянь, – взамен две другие выросли. В доме бояр Романовых нашли мешок с колдовскими зельями. Государя известить хотели, иродово семя! Была б моя воля... – боярин Семен поднял было массивный кулак, но досадливо поморщившись, продолжил:

– Государь милостив. Казнить не велел. Пока, говорит, я царь, крови ничей не пролью. Разослали их по монастырям. Так они и оттуда, паскуды, письма подметные рассылают. Едва с этими управились, на тебе! – Богдан Бельский. Ему великий государь честь оказал, доверил новый город против Литвы строить, Царев-Борисов. И чем он оплатил? Без ве-

дома государя оружие казакам продал! Да еще похвалялся: Борис-де царь над Москвой, а я над Царь-Борисовом! А? Каково? Бельского на Низ по указу государеву сослали, но спокойнее на Москве не стало. Видать, не всех злоумышленников на чисту воду вывели. До самой главной вражины не добрались. А почему? Врагов много, а бойцов – раз, два, да обчелся. Нет, плетью махать, да из мушкета палить – таковые есть. Но вот толковых, чтоб изнанку этой заразы ухватить – таких днем с огнем не сыщешь. А ты, как я посмотрю, парень толковый. Посему и спрашиваю: не хочешь ли к нашему делу присоединиться, крамолу искоренять? Да не кручинься, вижу, призадумался: с начальством твоим улажу. Главное, была б твоя воля. Ну как? Согласен?

– Согласен, боярин.

Иван Иванович с неодобрением отнесся к решению племянника поступить на службу к Семену Никитичу. Но дал мудрый совет.

– Был в Риме такой поэт – Гораций, – сказал дядя. – Глубокого ума был муж. И однажды этот Гораций рек: в каждом деле нужно глядеть в середину вещей. То есть – в корень. Если корень познаешь, так познаешь и все, что из него произрастает. Разумеешь?

– Ну, вроде бы. Но к чему ты это, дядя?

– А вот к чему. Размысли: почему именно сейчас слухи про убиенного царевича поползли? Царевич-то, царствие

ему небесное, уж боле десяти годов как в сырой земле. Почему десять лет молчали, а теперь вдруг вспомнили?

– Так жить стало невмочь: голод, болезни, разбои...

– Вот! А разбойничать почему пошли?

– Так опять же от голода. Коли есть нечего, либо сам помирай, либо у другого отними.

– А стало быть, причина и корень всем нынешним бедам что?

– Голод?

– Верно. Вот это и есть зреть в середину вещей. Не было бы голода – не было бы ни ропота, ни слухов зловредных, ни разбойников. Устрани голод – и остальные беды одолеешь.

«Хорош совет, – подумал про себя Никита. – Устрани голод. Сказать-то легко, а как это сделать? Особенно, если голод послан самим Богом. Солнца нет, земля не рождает, – вот и голод. Как его устранить? Солнцу не прикажешь светить, а земле – рожать. Это одному только Всевышнему под силу!»

Но мысль, зароненная дядюшкой, все-таки дала свои всходы.

А случилось это самым неожиданным образом. В руки Никите попало перехваченное тайное письмо английского посланника. В письме писано было, что голод в Московии проистекает не от отсутствия хлеба, которого в стране имеются значительные запасы, а от нерадивости и нераспорядительности русского государя, который, несмотря на свою по-

что неограниченную власть над подданными, не заставил их продавать хлеб, отчего его народ вымирает от голода.

Семен Никитич уже собирался потребовать от Афанасия Ивановича Власьева, дьяка Посольского приказа, составить ноту о высылке посланника за клеветы на царское величество, но Никита упредил его. Посланнику пообещали, что не дадут делу хода, если он признается, откуда проистекают сообщенные в письме сведения. Паче чаяния оказалось, что письмо посланника основывалось не на зловердных слухах, а на расчетах, сделанных торговыми людьми английской Московской компании.

Никита немедленно доставил счетовода Английского по дворья в личные покои государя, где уже находился Семен Никитич. Развернув перед государем свои расчеты, англичанин объяснил, как удалось вычислить, сколько хлеба производят центральные области Московии в обычные годы, какая часть из этого урожая поступает в продажу, а какая остается для собственного потребления, и сколько хлеба было продано и роздано из государственных житниц за последние два неурожайных года. По расчетам выходило, что даже после двух лет недорода запасов хлеба в Московском государстве больше, чем могли бы съесть все жители в четыре года. Из чего не трудно догадаться, что огромные запасы хлеба припрятаны в амбарах у знатных господ, владельцев крупных вотчин и поместий. Ну и кое-что в монастырских житницах. Учитывая долгое лежание, часть этого хлеба уже по-

гнила.

Когда англичанина, наградив серебром, отпустили, Семен Никитич предложил разослать по монастырям и боярским домам грамоты с требованием продавать зерно из припасов по установленной государем цене, оставив для собственных надобностей не более десятины. А следом послать воинские отряды для проверки исполнения царского повеления.

– А буде кто утаит запасов больше положенного, или откажется впустить к себе царевых слуг, – тот и есть главный злоумышленник. С ним уж я сам буду разбираться, – завершил свою речь начальник Сыскаго приказа.

– Бог в помощь, – согласился царь.

Меры, предпринятые правительством, оказались действенными. Суровость наказания многих заставила одуматься. Даже злостные ненавистники годуновской власти вынуждены были надеть маску смирения и открыть свои закрома. Последствия неурожая еще некоторое время продолжали сказываться, но цены на продовольствие поползли вниз, а появление на рынке хлебных излишков позволило правительству перенаправлять припасы в те области, которые особенно пострадали от недорода.

Проиграв на экономическом поприще, внутренние враги, однако, не перестали плести интриги и составлять заговоры. Смутные слухи об убитом, будто бы по приказу Бориса, царевиче приобрели новый характер. Стали говорить, что убит

был другой младенец, а царевич спасся и укрылся в Литве, ожидая часа выйти на историческую арену и отобрать наследственный престол у «ненастоящего» царя Бориса. Вскоре этот вымышленный персонаж чудесным образом (а точнее, вражьими усилиями) материализовался в реальную личность, ставшую причиной разрушения русского государства, столь заботливо и искусно выстраиваемого и укрепляемого царем Борисом.

Поначалу из Москвы история с чудесным воскрешением царевича представлялась похожей на фарс. Она была настолько невероятной и надуманной, что ей не придали значения. Во всяком случае, не больше, чем слухам о виновности царя Бориса в угличском деле. Но последовавшие за этим события приобрели столь грозный характер, что не считаться с ними стало уже невозможно.

Тайные осведомители донесли, что польский король Сигизмунд признал права самозваного Димитрия на московский престол и дал ему денег и войско. Перейдя с невеликой силою русскую границу, самозванец, рассылая «прелестные письма», двинулся вглубь страны. Моравск, Чернигов, Путивль, ранее отбитые у Литвы, сдались самозванцу без боя. К нему стали стекаться банды грабителей, чаявших придать своему незаконному ремеслу видимость легитимности, казаки, использовавшие любой повод «погулять», то есть поживиться чужим имуществом, обиженные на царя дворяне и прочие недовольные. Мятежники продвигались к Москве,

творя по дороге бесчинства и грабежи.

Семен Никитич был убежден, что неожиданное явление «воскресшего» царевича было не случайностью и не отчаянной авантюрой беглого расстриги, а хорошо подготовленным и спланированным заговором, и что измена зреет где-то на самом верху, среди именитых бояр. Есть там кто-то, могущий в силу происхождения претендовать на престол и питающий надежду сместить избранного народом царя Бориса и занять его место. Вопрос в том, кто этот скрытый враг?

— Когда после кончины бездетного Федора Иоанновича, — делился он мыслями с Никитой, — встал вопрос о престолонаследовании, кто были противниками Бориса Годунова? Мстиславский, Романовы, Шуйский. А более всего горлопанил Бельский, хотя ему по худородию царский венец только во сне мог присниться. Бельский вместе с Борисом в опричниках начинали, только он умом не вышел, вот и ревновал к более удачливому товарищу.

Шуйский покался и сделался правой рукой государя. Борис ему верит.

С остальными мы разбираемся. Романовы разосланы по дальним монастырям. Бельский в Нижнем под строгим приглядом. Кто остался?

— Мстиславский?

— Вот именно! Мстиславский давно у меня на подозрении. С полячишками тайно сносился. После кончины блаженной памяти государя Федора Иоанновича хотел на престол взой-

ти.

Но слишком неприступен боярин Федор Иванович. По знатности рода в Боярской думе на самом высоком месте сидит. Гедиминович! Тут одними подозрениями не обойтись. Скажут, навет Годуновы на него возводят.

Нужны весомые доказательства. Вот если б твоего ярыжку схватить, да он бы на Мстиславского показал...

– Но пока Мстиславский тут, так и будет на государя злоумышлять. Нельзя его здесь оставлять.

– Что предлагаешь?

– А если назначить его воеводою? – предложил Никита. – Пусть ведет войско против лжеименного Дмитрия. Если правда, что он самозванца «воскресил», пусть теперь сам с ним и бьется. Вот и посмотрим, как себя покажет. Поддастся самозванцу, значит, он и есть зачинщик мятежа!

– Хитро! – одобрил Семен Никитич. – Пусть верность государю делом докажет. Заодно из Москвы его удалим, чтобы он тут большей беды не натворил.

Казалось бы, сорокатысячного войска, над которым государь поставил воеводой князя Федора Мстиславского, вполне достаточно против неорганизованных ватаг смутьянов. Москва ожидала скорой победной реляции. Однако потрепанные гонцы доставили в столицу черную весть: войско Мстиславского разбито под Новгород-Северским и разбежалось. Сам воевода сказался раненым.

Проведенное следствие показало, что настоящей причиной катастрофы было предательство. По словам опрошенных ратников, воевода прямо им говорил, что «неладно» бороться против «природного» государя – так называл он расстригу – самозванца!

Подозрения в отношении князя Мстиславского подтвердились. Но какой ценой! Соблазненные посулами «царевича Димитрия» перед ним без боя отворили ворота Рыльск, Курск, Севск, Кромы. Войско самозванца надвигалось на Москву.

Затевать сейчас дело против Мстиславского, выставявшего себя пострадавшим в бою с мятежниками, было несвоевременно. Нужно столицу оборонять.

Войско усилили свежими силами и верными царю военачальниками, а также внушительным количеством артиллерии. Князю Мстиславскому был направлен приказ преградить путь самозванцу, а в помощь ему (а на самом деле для догляда) послали князя Василия Шуйского. Пребывание Шуйского в войске имело и другое назначение. В свое время князь Василий возглавлял следствие по угличскому делу и мог лично засвидетельствовать, что царевич мертв, а стало быть, рвущийся к Москве супостат – никакой не «природный царь», а вор и самозванец. Правда, по доносам из ближнего окружения Шуйского, князь Василий воспринял назначение в воеводы как отлучение от двора и был этим очень недоволен.

Московская рать настигла самозванца в конце января у села Добрыничи. Лжедмитрий оказался удивительно осведомлен о расположении противника и пытался ночью накануне сражения поджечь лагерь правительственных войск с разных сторон, чтобы посеять панику. К счастью агентам сыскаго приказа, прикомандированным к войску, удалось предотвратить поджоги, и на следующий день царские войска наголову разгромили самозванца.

Шуйский, оставив взамен себя командовать войсками Федора Басманова, поспешил в Москву с вестью о победе. Он доложил государю, что неприятель полностью разгромлен, а самозванец мертв. Остается только добить остатки мятежников, в основном казаков, и покарать чиновников, сдавших самозванцу города. Ему же, Шуйскому, делать там больше нечего, и место его здесь, при особе государя.

Пока в кремлевских покоях и по всей Москве пышно праздновали победу, а государь щедро одаривал Шуйского и прочих воевод, поступили донесения из армии. Оказалось, что на самом деле стрелецкие полки, которыми командовали Мстиславский и Шуйский, несмотря на численное преимущество, действовали нерешительно, совершали бессмысленные маневры, а главная роль в победе принадлежала артиллерийским частям под управлением иноземных инженеров. Заняв удобные позиции, «немцы» методично истребляли нестройные орды противника, пока тот не кинулся врассыпную, побросав знамена и пушки. Самое неприятное

известие состояло в том, что самозванец остался жив. Под ним была ранена лошадь, но сам он чудом избежал плена и скрылся.

– Чудом ли? – хмуро вопрошал Семен Никитич.

На просьбу подписать указ об аресте Мстиславского и проведении над ним следствия, Семен Никитич получил отказ.

– Не тот сейчас момент, чтобы судить победителя, – сказал государь, – народ не поймет.

– Да какой же он, к псам, победитель? Предатель и мятежник! Уверен, голодные бунты им подстроены, и разбойников он тайно вооружал. Он, а не Бельский. Тот умом недалек для такого дела. И самозванца в Думу писарем устроил, а тем временем научил его за царского сына себя выдавать. И все это чтобы смуту в государстве учинить!

– Обвинения серьезные, – сказал царь, – но есть ли доказательства?

– Доказательства будут. Повели арестовать его. Ужо у меня в допросной все расскажет! Сам во всем признается, во всех своих предательствах и злоумышлениях.

– Говорю же – не время. Прежде надо с самозванцем справиться, смуту подавить. А потом и бери его.

– Твоя воля, государь. Но только как бы не пожалеть нам, что вовремя эту заразу не искоренили. Один палец пожалеем – всю руку можем потерять.

Опасения Семена Никитича были не напрасны. Но даже он не представлял себе всей разветвленной картины заговора.

Дальнейшие события приняли неожиданный оборот. Вместо того чтобы преследовать остатки сил самозванца, войско под водительством Мстиславского и Басманова осадило Кромь и топталось возле деревянного городка почти три месяца, разоряя окрестных крестьян и требуя от Москвы денег и новых подкреплений. Эта бессмысленная осада позволила самозванцу, укрывшемуся под защитой каменных стен Путивля, собрать новые силы для похода на Москву.

13 апреля 1605 года Никита сопровождал английских послов к их подворью после обеда, данного в их честь государем. К тому времени добрая Елисавет-королевна переселилась в Божьи чертоги, и на британский престол воссел шотландский король Яков. От доверенных людей было сведано, что новый король имеет предосудительные пристрастия, и что подданные говорят, будто Елизавета правила как король, а Яков как королева. Во всяком случае, смена монарха означала перемену в политике. Никите, хорошо знавшему язык и нравы жителей туманного Альбиона, было поручено доглядывать за англичанами, как бы не стали они, вслед за ляхами и сваями, поддерживать самозванца. День выдался ветренный, но теплый. Над Москвой весело суетились вокруг своих гнезд грачи.

– Как москвиты называют этих птиц? – благодушно спросил сэр Томас Смит, мерно покачиваясь в седле и ковыряя в зубах серебряной зубочисткой.

– Грачи, милорд, – ответил Никита.

– Гра-чи? – повторил англичанин. – Гра-чи. Как мило... А вы знаете, джентльмены, – обратился он к своим коллегам, – что на континенте такие птицы употребляются низшими классами в пищу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.